

ЗНАНИЕ В ДЕЙСТВИЕ /// KNOWLEDGE IN ACTION

спец. выпуск сентябрь 2008 / газета "Что делать?" совместно с Уличным Университетом /// special issue September 2008 / newspaper of the platform "Chto Delat? / What is to be done?" in collaboration with the Street University

Дмитрий Виленский | Знание — сила

Какова роль самоорганизовывающихся структур общества и как они могут выстраивать свои отношения с уже сложившимися институтами власти? Способны ли они заменить традиционные формы образования, или, по крайней мере, оказывать давление на эти институты, вовлекая их в процесс (само)образования?

Сегодня все больше людей чувствуют свою полную невозможность что-то менять в мире, с которым они чувствует, что происходит что-то не то. Да, есть возможность делать карьеры, копить деньги, много бесконечно вкалывать, пресмыкаться перед начальствам, отдыхать до беспамятства перед телевизором... Но даже у самого вовлеченного человека не может не возникать ощущения все возрастающего убожества жизни, что даже несмотря на все успехи и комфорт жизнь становится все более пустой и бессмысленной.

Но мало у кого есть возможность понять причины этого положения, охватить мир во всей его сложной противоречивости и полноте, понять свое место в нем и истории и осознать, что необходимо действовать.

Любое знание о мире проверяется только практикой. И любое практическое действие порождает свое новое знание. Мысль и действие неминуемо совмещены в едином процессе познания мира. Однако для реальной трансформации существующего порядка вещей необходимо знание об устройстве общества. Но где его можно получить сейчас?

В последнее время мы наблюдаем кризис ценностей образования во всем мире. Знаковой приметой этого кризиса стал упадок теории и практики дисциплинарного гуманистического идеала образования, которое вменяло его обладателю не только осознание своих гражданских прав и обязанностей, но также давал средства для возможности мыслить изменения, подрывающие существующий порядок вещей. Воспитание солидарности, достоинства, понимания своего места в истории, способностей к участию в политической жизни уже не рассматриваются как необходимая часть любого образовательного процесса. Сегодня дисциплинарная автономия образования оказывается ненадежной гарантией его защиты от посягательств рынка, особенно в ситуации, когда подорвана ее основа - бесплатность, обеспеченная государственным финансированием. Образование все больше становится инструментом политики корпораций и рынка, заинтересованных только в получении рентабельной и послушной рабочей силы или же проводником государственной идеологии и тупикового консерватизма, снова отбрасывающего Россию на задворки истории. Эта сервильность образования представляет угрозу творческому и живому развитию общества. Противостоять этому мы можем путем распространения и производства альтернативных форм знания, продолжающих и развивающих освободительные традиции разных образовательных практик.

Практики самообразования всегда были необычайно важны в России. Например, роман Чернышевского «Что делать?» (1863) - блестящий и не теряющий актуальности образец популяризации моделей самообразовательных кружков. В этих конфиденциальных кружках, находящихся на полуполюгальном положении и в оппозиции к официальным институтам власти, во многом сформировались наиболее яркие явления российской мысли и культуры. Несмотря на маргинальное положение, в свое время именно они одержали историческую победу над монструозными и репрессивными структурами. Их опыт вдохновляет нас и сегодня, когда мы заново востребуем самообразовательные практики.

Процесс самообразования отталкивается от ясного осознания угнетения и направлен на то, чтобы это состояние изменить. Самообразование - это процесс, в который вовлекаются те, кто идентифицирует себя как угнетенных, а целью процесса самообразования является освобождение, обретение достоинства и любви. То есть ищется ответ на вопрос: как мы можем превзойти себя, порвать с состоянием неполноценности, угнетения и обрести равенство. Ответом на этот вопрос может стать только практика всей нашей жизни, демонстрирующая здесь и сейчас, что речь идет не об абстрактных категориях будущего идеального мира, а о реальности нашего повседневного существования.

Акции прямого действия во многом основаны на спонтанности реакции на проблемы окружающей нас реальности. То есть, они основаны на этической необходимости сделать то, что нельзя не сделать. Они делаются не из соображений пиар компаний различных брэндов, как внушают нас думать различные политтехнологии и сторонники полной экономизации жизни и которым недоступно понимание того, что может быть что-то за пределами этой логики. Главная задача акций, не легитимированных институтами власти, это пробуждение сознания, формирования солидарной среды, способной противостоять угнетению, унижению, обыденности несправедливости. Именно в них проявляются и тестируются возможности иных форм социальности и взаимоотношения людей. Они формируют новый опыт повседневности открытый коллективному переживанию состояния свободы. Акция это «ворованный воздух», переприсвоение пространства, его обживание в тех формах, в которых участники акции его воображают.

В этом номере мы представляем вам критический срез современного активизма, который осознанно продолжает традиции самообразовательных инициатив и акций прямого действия и помещаем этот новый локальный опыт современности в контекст интернациональной истории развития независимых образовательных структур.

От редакции газеты «Что Делать?»

Dmitry Vilensky | Knowledge is Power

How do people shape their surroundings? And can self-organizing structures redefine their relations to the institutions of power? Could they ever replace traditional forms of education? Or can they place enough pressure on institutions to draw them into the process of self-education, transforming them?

Today, more and more people are haunted by a sense of impotence. The world seems impossible to change, though something is clearly going wrong. Sure, you can have a career and manage to save up some money; you can work endlessly and bend over backwards for your boss, and you can relax yourself to oblivion by watching TV... And no matter how addicted you are to that lifestyle, you will always sense that the everyday is somehow becoming more and more petty and squalid, vapid and pointless, despite all that comfort and success.

But very few people are in the position to grasp the reasons for what is going on, understanding the world in all the fullness of its contradictions. Very people have the privilege of reflecting upon their place in the world and in history. And very few people realize that the time to act is now.

The things you know as to how the world works can only be tested in practice. And all practices give rise to new knowledge. Thought and action are inextricable from one another; they are always an integral process. But to really change the existing order of thing, you need to know how society actually works, and how it is composed. But where can you get that today?

Today, there is a crisis in education all over the world. One of its symptoms is the decline of both the theories and practices of the disciplinary, humanist educational ideal, which traditionally empowered their subjects, instilling not only a sense of civil rights and responsibilities, but also a means for changing and overturning the present state of affairs. But today, people no longer learn solidarity, dignity, historical subjectivity, or the ability to participate in political life. None of these things are part of any educational process. Disciplinary autonomy no longer shields education from the market, especially when its basis in state funding erodes. Education has effectively become an instrument or bargaining chip used in corporate market politics, which are only interested in producing a cost-efficient, obedient work force. The growing servility of education to market demands represents a serious threat to the creativity or vibrancy of a society’s development, one that we can only resist by finding alternative forms to spread and produce a knowledge that emancipates the subjects it creates.

Such emancipatory practices of self-education have been extraordinarily important in Russian history. Nikolai Chernyshevsky’s novel “Chto delat? / What is to be done?” (1863) is but one brilliant literary example. Often half-criminal and in opposition to official institutions of power, such confidential circles were able to give form to some of the most striking things in Russian thought and culture. Notwithstanding their marginal position, the collective knowledge they produced was an invaluable contribution to the historical victory over the repressive superstructures of tradition. Their experience still inspires us today, as we once again look for ways to educate ourselves.

This form of learning begins once we realize that we are oppressed and that this is something we need to change. Self-education is for the oppressed. Its goals are emancipation, dignity, and love. We try to try how we can be more, breaking with our own insufficiency and weakness, finally attaining equality. The only answer is to be found in the practices that make up our lives; once we look at these practices, we can clearly see that we aren’t just talking about the abstract categories of an ideal world of the future, but about the reality of our everyday lives.

Direct actions are always based upon spontaneous reactions to the problems of the reality that surrounds us. That is, they are based on the ethical necessity of doing something that cannot be done yet. These actions are not PR for a certain brand, even if that’s what the assorted spindoctors and privatization advocates would have you think; they can’t understand that there is something beyond this logic, and beyond the legitimacy instilled by the institutions of power. The point of these actions is to raise the consciousness of their participants and to create preconditions for new forms of solidarity capable of resisting oppression, humiliation, and day-to-day injustice. It is here that we can develop and test the possibilities for other forms of social relations. Together they make up a new collective experience of the everyday, an experience of freedom. Each action is “stolen air,” a recapture of social space, now inhabited in those forms that the action’s participants will imagine.

This issue presents a critical selection of activists today who are consciously continuing the tradition of auto-didactic initiatives in direct actions. We would like to place this new local experience of today into the international context of independent educational structures and its history.

The editors.



Декларация Уличного Университета

Учитывая факты репрессий и коррупции в Университетах, растущую коммерциализацию образовательного процесса, а также то, что сегодня студенчество в целом разобщено, деморализовано и деполитизировано, группа студентов, сотрудников различных петербургских вузов, активистов, исследователей и заинтересованных граждан инициирует создание Уличного Университета (УУ).

Цель Уличный Университет– возродить традиции студенческого самоуправления и создать эффективную сеть, состоящую из исследователей, активистов и сочувствующих граждан, объединенных желанием сформировать альтернативное поле производства и распространения критического знания. Название Уличного Университета отсылает к месту, по определению открытому, где такого рода контр-знание только и может изобретаться. В этом смысле, УУ наследует как античному опыту (Сократ, киники, Аристотель), так и экспериментам новейшего времени (ситуационисты, Free Speech Movement в Калифорнийском университете, Йозеф Бойс, Свободный Университет, существовавший в Ленинграде во времена перестройки). Кроме того Уличный Университет ставит перед собой цели возвращения публичности публичному пространству через проведение занятий на улицах города и налаживанию связей между академическим сообществом и различными общественными движениями и инициативами.

УУ – это площадка для обсуждения актуальных вопросов социальной действительности. Предпочтение отдается актуальным темам: студенческое движение, международный и отечественный опыт альтернативных образовательных практик и контр-институций, демократические художественные и исследовательские объединения, гражданское сопротивление, эстетика и теория авангардных форм творчества, низовой активизм.

УУ – предполагает свободу форм самовыражения. Занятия в Университете могут принимать форму как академических семинаров, так и художественных или других социальных акций (сообщение с последующим обсуждением, свободная дискуссия на заявленную тему, социологический опрос, перформанс, коллективная манифестация, выездная сессия, встреча с активистами иных сообществ и общественных движений).

Уличный Университет ставит две сопутствующие цели: автономия университетов и самоуправление студентов в рамках существующих учебных заведений, а также создание альтернативной сети контр-институциональных практик. Индивидуалистическим ценностям карьеры, профессионального успеха и интеграции в существующий порядок УУ противопоставляет практику общности, сотворчества и неконформизма. УУ является полем взаимодействия самообразования, повседневных практик, искусства и активизма.

Уличный Университет - это открытая, постоянно расширяющаяся сеть студентов, сотрудников различных петербургских вузов, исследователей, активистов и заинтересованных граждан, построенная на принципах открытости, самоорганизации и самоуправления, не привязанная ни к какой организации или институции. УУ включает в себя Координационный Совет, основная функция которого состоит в обеспечении организационного и информационного сопровождения деятельности УУ.

Собрания Уличного Университета проходят по воскресеньям с 14.00 на Соляном переулке, если не оговаривается иное. Композиция каждого следующего собрания определяется на основании принципов прямой демократии. Каждый присутствующий имеет право предложить форму и тему выступления и обладает одним голосом чтобы утвердить или отклонить другие предложения в ходе голосования. Эта процедура призвана поощрять активное участие в деятельности УУ. Окончательную формулировку следующего собрания артикулирует КС, вывешивая ее на сайте и посылая на рассылку не позднее середины недели.

Краткая история Уличного Университета

Начало традиции *Уличного Университета* положено слушателями опечатанного пожарной инспекцией Европейского Университета, которые после ряда травестированных интервенций в публичное пространство перешли к своему естественному занятию – обучению. В ситуации закрытого университета по необходимости оно стало уличным и действительно коллективным.

В воскресенье **9 марта** в *Соляном* переулке прошёл первый УУ. Мероприятие продолжалось около часа, и привлекло более 70 человек, включая студентов, аспирантов и преподавателей разных университетов, общественных деятелей, активистов, журналистов и всех заинтересованных лиц, что вывело деятельность УУ за рамки серии акций в поддержку Европейского.

Так уже **16 марта** прошел второй учебный день УУ, привлёкший новых слушателей, зачисленных на первый курс по факту присутствия на занятиях.

21 марта деятельность Европейского Университета была в срочном порядке возобновлена. А занятия УУ стали проходить каждое воскресенье, став совершенно автономной инициативой.

30 марта написана *Декларация УУ*.

11 мая проведена первая уличная акция УУ (в поддержку РГГУ).

1 июня открылось *Вечернее Отделение УУ*.

Обучение в Уличном Университете бесплатное. Срок обучения не ограничен.

Адрес Уличного Университета в Интернет / Street University on the web: <http://streetuniver.narod.ru/>

The Street University: A Brief History

On February 8, 2008, the European University in Saint Petersburg (a graduate school) was closed for alleged violations of fire safety rules. Many university insiders and other observers, however, believed that more powerful political figures were behind this strange move. Aside from seeing the closure as part of a more general attack on “agents of western influence,” they pointed to fact that the university had come under pressure for a European Union-funded elections monitoring research program that was based at the university (whose leadership had earlier decided to shut it down). Whatever the case, the university’s professors, students, alumni, friends, and allies mounted a multi-pronged campaign to reopen the university. For their part, EU students organized a series of theatricalized public actions, including the laying of a memorial firehose at a monument to Mikhail Lomonosov, father of modern Russian scholarship, and a folk burlesque play. With their university still closed, their activism then took a natural turn: they decided to hold classes in the street.

The first Street University took place on Sunday, **March 9**, 2008, on *Solyanoi Pereulok*, a pedestrian street in central Petersburg. A crowd of nearly seventy listened to talks on student self-consciousness, student unions in the US, pre-Revolutionary student solidarity, Situationism and 1968, and how to dress when your university is closed and you find yourself out on the cold streets. The event brought together students, grad students and teachers from various Petersburg universities, community activists, artists, journalists, and just plain concerned citizens.

The second Street University took place on **March 16**. The SU’s newly minted auditors listened to talks on the perception of students in Russian society, activism as amoralism, and Badiou’s concept of the event.

On **March 21**, the European University was suddenly reopened. This happy ending to the conflict didn’t signal the end of the SU, however. Its organizers, lecturers, and auditors—a group that from the beginning included students, researchers, and activist not formally connected to the EU—decided that it should continue as an autonomous initiative. Reorganization in “peacetime” proved difficult. The SU’s various factions drafted proposals for a *declaration* (including the one printed in this newspaper) and negotiated in person and via e-mail. This process ended with an enervating but revealing “constituent assembly,” at the Petersburg offices of the Memorial Society, in early April.

The SU reopened its non-existent doors on April 13. Since then, it has held ten sessions, which have dealt with such issues as runaway urban development, activist interaction with the police, art and democracy, and censorship. On **May 11**, the SU carried out its first street action, “*Religion Is Stomatology*,” in support of the Russian State University for the Humanities. On **June 1**, the SU held its first evening session.

The SU continues its journey.
The tuition is free.
The term of study is unlimited.

Declaration of the Street University

Considering the repression and corruption in our universities, the growing commercialization of the educational process, and the fact that today’s students are alienated, demoralized, and depoliticized, a group of Petersburg university students, teachers, activists, researchers, and concerned citizens has initiated the creation of the Street University (SU).

The goal of the SU is revive the traditions of student self-governance and create an effective network of researchers, activists, and sympathetic citizens who are united by the desire to form an alternative field for the production and distribution of critical knowledge. The name Street University refers to a place that is by definition open, the only place where this kind of counter-knowledge can be invented. In this sense, the SU is the heir both to the experience of the ancients (Socrates, the Cynics, Aristotle) and to the experiments of modern times (the Situationists, the Berkeley Free Speech Movement, Joseph Beuys, the perestroika-era Leningrad Free University). In addition, the SU has set itself the goal of putting the public back into public space by conducting classes on the streets of our city and by furthering ties between the academic community and various social movements and initiatives.

The SU is a space for discussing current questions of social reality. Preference is given to such relevant themes as student movements; the international and Russian experience of alternative educational practices and counter-institutions; democratic artistic and research associations; civic resistance; the aesthetics and theory of avant-garde forms of creativity; and grassroots activism.

The SU presupposes that forms of self-expression are freely chosen. An SU class might take the form of an academic seminar or an artistic or social action (a lecture or paper followed by a discussion; an open discussion on a stated theme; a sociological survey; a performance; a collective manifestation; a field trip; a meeting with activists from other communities or social movements).

The SU sets itself two interrelated goals: the autonomy of the universities and the self-governance of students within the existing institutional structures, and the creation of an alternative network of counter-institutional practices. The SU opposes the practice of community, creative collaboration, and nonconformism to the individualistic values of careerism, professional success, and integration into the existing order. The SU is a space where self-education, daily practice, art and activism interact.

The SU is an open, continuously expanding network of Petersburg students, university teachers, researchers, activists, and concerned citizens. It is constructed on the principles of openness, self-organization, and self-governance, and it is not bound to any organization or institution. The SU includes a Coordinating Council (CC) whose main function is to organize and publicize the work of the SU.

The SU meets on Sundays at two o’clock on Solyanoi Pereulok, unless other arrangements are made. The composition of each subsequent meeting is determined through the exercise of direct democracy. Each person present at the meeting has the right to suggest the form and theme of a forthcoming meeting, talk or action, and s/he can cast one vote for or against other such proposals. This procedure is meant to encourage active participation in the work of the SU. The CC drafts the final program for the following meeting, posting this information on the university’s website and distributing it to the university’s mailing list no later than mid-week.

Pavel Arsenev, Artemy Magun, Alexander Skidan | Another knowledge is possible

Pavel Arsenev: As you remember, when we were drafting the Street University (SU) Declaration we emphasized two broad goals: the creation of a self-governance network within existing institutions of higher learning and the development of an alternative space for the production and distribution of critical knowledge, which would collaborate in one way or another with this network. To put it crudely, the SU sets itself the task of bringing up issues that are taboo in the traditional academic milieu, thus subjecting university programs themselves to revision. But the SU began to evolve in its own arbitrary direction, which didn't quite coincide with its declared aims. On the one hand, there were a series of successful attempts at the production of counter-institutional knowledge—our weekly Sunday classes and actions; on the other, we haven't managed to create a network of student councils. Certain SU participants invited new people, but even such an unusual event as a street debate didn't always have a surefire impact on students. This is where we run up against the very circumstance that compelled us to create the SU, which is described in our declaration: the depoliticization and demoralization of students. Given this fact how we can talk about self-governance cells within the universities themselves?

My thesis, however, is that instead of or even despite the task of creating a network of student unions (work that is as necessary as it is routine) the SU took on a completely unexpected form exemplified by direct actions. They haven't been numerous enough to allow us to speak of a "series," but the perspectives they revealed were interesting.

Alexander Skidan: The first wave of theatrical protest actions [in defense of the closed European University], the Declaration, and the conversations about the SU gave me the sense that the students themselves understood the necessity of creating self-governing cells, bodies for self-governance. I thought that the European University's struggle with the fire inspectors [and the more powerful authorities who backed them] would serve to detonate the politicization of the students in this direction, which I see as the strategically most important one. But the first constituent assembly proved that I had been mistaken: there was not only no unity among the students participating in the SU, but even a relative uniformity of motives and aspirations was missing. This is sad

because the moment of solidarity—when students from other, "fortunate" universities supported EU students—seemed to me to be the long-awaited start of an awakening.

Artemy Magun: I would also say that a broad-based mobilization didn't taken place. But among the participants are people who, while they're of course students, are simultaneously and perhaps primarily members of such social fields as the Petersburg intelligentsia, the artistic bohemia, and so on. Thus, what happened was rather a mobilization of these circles insofar as we don't have a broad grassroots movement.

PA: I would insist on the fact that, however narrow the SU's mobilization was, it was a student mobilization. And we didn't know the other students before the SU arose.

AM: So let's define this social group. What happened was a mobilization of a narrow circle of active young people, some of whom are inclined to activism of an artistic nature, some of whom are marginal characters.

PA: In fact I noticed something else. The kids who weren't invited but who found out about the SU themselves and have been active participants are as a rule first-year students from the provinces. These students, who came here to study, have a sense that their own existence is flexible, whereas the local upperclassmen are integrated into the consensus—most often, this is the commercial consensus—and as a rule they're not faced by questions of identity. They're faced by questions of entertainment, the latest new gadget, etc. Their need for "finding something new"—which is still impossible to totally stifle in twentysomethings—is limited to a strictly consumerist framework and kitschy leisure time practices.

AS: To summarize, we could say that for most participants the SU was a space of conviviality, for realizing their need to communicate, rather than an instrument for effecting certain changes within their own universities. This posture unites both European University students, who all gradually vanished, and the young people who sprang up later. The heterodoxy of the experience of struggle vis-à-vis their everyday lives as students was definitely attractive in a formal sense—meeting and giving talks on the street, this festival of dis-

obedience—whereas the content undergirding this form, which we attempted to crystallize, proved to be unacceptable for many. And this, I'm afraid, threatens to become the rule. The element of superficial attractiveness, which is neither good nor bad in itself, has to be instrumentalized somehow. It has to be directed toward the solution of concrete problems.

PA: Yes, I should also remind you that when prudent liberal voices questioned why we had to hold our lovely meetings on the street (it's always more comfy inside, you can drink tea and nibble crackers; and the dean doesn't get the jitters) and we were accused of "street formalism," that we didn't sufficiently appreciate the "content" of the meetings (conversation and talks), I replied that we shouldn't confuse the content with the form, but make it the function of the SU to create autonomous cells for self-governance.

AM: But the creation of student unions is a large-scale social undertaking, and I'm not sure that the SU is up to it. To make this happen we would need to bind the SU more closely to the actual educational process in the universities. It's curious that what motivated the withdrawal of many students was, it would seem, the leftist-activist ideological tendency they detected (whether rightly or not) in many of the SU's organizers and auditors. That means that for many active and bold people issues like unionization, which would seem to be purely practical, are bound up with a certain ideological content. After all, they're taught that trade unions are a brake on economic development or, at best, that they're a form of tedious bureaucratic collectivism.

PA: I have a hypothesis that the SU's unexpectedly emergent activist function might serve to catalyze student activism by demonstrating the very possibility of deciding to act or, at very least, reacting to concrete problems, be they stipends, expulsions, evictions, etc. I imagine that in the future the interests of students wouldn't be limited to these problems, that sooner or later the question of defining the curriculum would arise. This motif, which emerged in the work of the OD Group [at the Moscow State University sociology department]—defining the contours of the educational process and actively involving students in research from the first year on—should be adopted by the SU. Many of my friends have a clear sense that they're being taught the wrong things or, in any case, they're not learning what they'd like to learn or what the name of their university promised. Even art schools with the most artsy-sounding department names teach office management.

AM: Is this a realistic agenda under the current conditions of macromanagement? Isn't it rather a daydream and a symptom of nostalgia—for 1968, of course—that has simultaneously generated a more than original practice for negotiating the city, which is invaluable from the viewpoint of cultural history? Even given the fact that the SU's themes and actions are constructed around a leftist nucleus, and this policy is effected in a quite decisive way. So decisive, in fact, that many are scared away from such a wonderful undertaking as debates between young people on the street.

AS: It's not even a matter of demonic liberalism, but of a monstrous allergy to any thematization of protest, solidarity actions, social change, not to mention neo-Marxism. Moreover, it was news to me that it wasn't the seventies generation of civil rights activists—crudely speaking, the Soviet intelligentsia—that suffers from this allergic reaction, but the younger generation. People's minds are dominated by this inertial mistrust of everything connected with the Soviet experience of collectivity, with the ideologization of groups and movements. If we take a more or less objective view of things, we'll notice that all the talks and actions that happened at the SU were so mild that the Situationists would simply have laughed at us, but our liberals see us as ultra-leftist radicals. This is a structural problem: 95% of our educated class consists

of folks who mentally reject any leftist thematization or rhetoric.

PA: But does this mean that, given these structural conditions, we should adopt a more moderate stance in order to give the educated majority the chance to somehow relate to us? Or, rather, should we take our bearings from those figures of history and speech before whom we wouldn't be ashamed, as you put it? I see the SU more as a subject that acts not only in the interests of the studentry, but more generally responds to all the most relevant social and local problems.

AS: Here I also see a two-edged sword, the danger of another extreme. Protest energy doesn't return to the universities in order to create independent student councils, but is instead directed into the streets for the sake of topical political happenings. Which is terrific in itself, but it fundamentally re-orientes the SU away from problematizing institutionalized academic space and towards rapid-fire actions, which in the long term don't appear as promising and large-scale as a really effective independent student union. We collide head on with the impossibility of creating the latter and that is why we're sent spinning toward the former option. One doesn't exclude the other, as it were, but strategically speaking it is important to slowly (albeit not so flashily) seek solidarity in academic space, with the end in mind of shaking it up and reinventing it, of educating a generation of students who would begin to change something themselves.

PA: Perhaps, then, it's worth giving hard thought to creating several subfunctions for the SU, which in any case are emerging: activism, education, and unionization.

AS: This really is long-term work of an educational nature: introducing into the student milieu the texts, practices, and disciplines that tell us about institutional critique, about alternative traditions of knowledge production, about methods of resistance. On the other hand, this education has to be coupled with the understanding that the academic milieu is hegemonized by a particular ideology that produces a deficit of alternative knowledge. It is within this composition that something will crystallize that comes from the students themselves and isn't limited to pinpoint gestures of protest.

PA: It seems to me, however, that, given the current state of demobilization, direct actions can create a field of attraction, a field that demonstrates the very possibility of collectivity and protest. This energy can then be converted into cells of self-governance and self-education, although right now this sounds completely utopian.

AS: In the long range, however, a self-governance network will also be more effective by virtue of its relative invulnerability. Whereas with direct actions there is the danger that one or two people will be arrested, everyone will get scared, and the whole thing will come to an end, a networked educational-activist structure, if it is generated, can survive a larger number of superficial blows. Speaking hypothetically, if someone leaves Petersburg, graduates, gets expelled or loses interest (anything could happen), the structure still exists all the same. That is, the battalion shouldn't notice the loss of one fighter.

Therefore, it is might make sense right now to emphasize the more conservative, "quiet" form of seminars since they are better able to absorb the shocks during the current period of reaction. These seminars would give students the chance to meet and engage single-mindedly in self-education, all the while leading them to the realization that another kind of knowledge is possible, consolidation is possible, other forms of impacting the educational process are possible. We need to engage in a kind of subversive enlightenment, while holding fast to the strategic perspective of collective action, because the contradictions will in any case only become more intense with time.



Павел Арсеньев, Артем Магун, Александр Скидан | Другое знание возможно

Павел Арсеньев: Как мы помним, на момент создания декларации УУ были выделены две магистральные цели: создание сети самоуправления в существующих учебных заведениях и попытка оформить альтернативное поле производства и распространения критического знания, с сетью так или иначе взаимодействующего. Грубо говоря: УУ берет на себя функцию поднимать темы, табуированные в традиционной академической среде, подвергая пересмотру сами университетские программы. Но УУ стал развиваться не вполне согласно декларированным целям, а по своему собственному произволению. Так, если ряд удачных эпизодов производства контр-институционального знания – это наши ежевоскресные занятия и акции, то сеть студсоветов так и не была создана. Отдельные участники УУ приглашали отдельных новых участников, но даже столь необычное предприятие как уличные дебаты не всегда действовало на студентов безоговорочно. И здесь мы спотыкаемся о само обстоятельство, послужившее причиной создания УУ и описанное в декларации: деполитизация и деморализация студенчества. Что говорить о ячейках самоуправления в самих университетах... Мой тезис заключается, однако, в том, что вместо или даже вопреки задачи создания сети профсоюзов, работы столь же необходимой, сколь и рутинной, УУ оброс совершенно неожиданной формой, примерами которой являются те акции прямого действия, которые были проведены в количестве, скорее открывающем их перспективу, нежели позволяющем говорить о серии.

Александр Скидан: На волне первых театрализованных протестных выступлений, от Декларации и от разговоров вокруг УУ возникло ощущение, что у самих студентов появляется понимание необходимости создания самоуправляющихся ячеек, каких-то органов самоуправления. Казалось, вся эта пожарная история с Европейским сможет послужить дотонатом политизации студенчества именно в этом направлении, которое мне представляется стратегически самым важным. Но уже первое учредительное собрание показало, что я глубоко заблуждался: среди студентов-участников УУ нет не только единогласия, но хотя бы относительного единообразия мотивов и устремлений. Это грустно, потому что, повторяюсь, момент солидарности, когда студентов ЕУ поддержали студенты других, «благополучных» вузов, да и не только студенты, показался мне долгожданным началом пробуждения.

Артем Магун: Я бы тоже сказал, что широкой студенческой мобилизации не произошло, но зато в нем участвуют такие люди, которые конечно и студенты, но одновременно и возможно в первую очередь фигуры, принадежные таким социальным полям как петербургская интеллигенция, художественная богема и так далее. Таким образом произошла скорее мобилизация этих кругов, тогда как широкого низового движения мы не имеем.

П.А. Я бы настаивал на том, что сколь бы узкой не была мобилизация, проведенная УУ, это была мобилизация студенческая. И мы не были знакомы с другими студентами до УУ.

А.М. Ну давай все равно определим эту социальную группу. Произошла мобилизация узкого круга активной молодежи, частью художественного толка активности, частью даже маргинализованных персонажей.

П.А. На самом деле я заметил скорее другое: ребята, не приглашенные как-то раз, а узнавшие об УУ сами и активно в нем участвующие, как правило учатся на первом курсе и как правило приехали из региона. Эти студенты, приехавшие именно учиться, ощущают что ли какую-то гибкость собственного существования, тогда как махровые коренные старшекурсники уже интегрированы в консенсус, чаще всего это коммерческий консенсус, и перед ними как правило не стоит вопрос идентичности. Перед ними стоит вопрос дивертисмента, новой модели гаджета и так далее. Их потребность «искать новое», которую все же невозможно вытравить в двадцатилетнем возрасте полностью, ограничивается строго консуматорными рамками и еще какими-то практиками кичевого времяпрепровождения.

А.С. Можно подытожить, сказав, что для большинства участников УУ - скорее поле общения, реализации коммуникативных потребностей, нежели инструмент неких изменений в собственном учебном заведении. Это объединяет как студентов Европейского, которые потихоньку все куда-то ушли, так и тех молодых людей, которые выросли впоследствии. Та инаякость опыта борьбы по отношению к их повседневному студенческому быту была, безусловно, привлекательна своей формой - улича, доклады, такой праздник непослушания - тогда как стоящее за этой формой содержание, которое мы пытались кристаллизовать, для многих оказалось неприемлемым. И это, боюсь, грозит стать правилом. Момент внешней привлекательности, сам по себе не плохой и не хороший, должен быть обязательно как-то инструментализирован, нацелен на решение конкретных проблем.

П.А. Да, я тоже напомним, что когда возвышались благоразумные либеральные голоса, вопрошавшие о том, зачем же проводить наши прекрасные встречи обязательно на улице: ведь в помещении всегда удобнее, можно пить чай с сухками, да и деканат не будет нервничать, когда нас обвиняли в «формализме улицы», в том, что мы недостаточно ценим «содержание» встреч - общение и доклады, - я ответил, что за формой улицы стоит искать не содержание интересеньких докладов или общения, но ставить функцию создания автономных ячеек самоуправления.

А.М. Но ведь создание студенческих профсоюзов это масштабнейшая социальная задача, и я не уверен, что уличному это по силам. Для этого, опять же, надо больше связывать УУ с реальным учебным процессом ВУЗов. Интересно, что мотивом отпадения многих студентов была, похоже, некая лево-активистская идеологическая тенденция, которую они усмотрели, справедливо или нет, у многих посетителей и организаторов УУ. А значит, даже для многих активных и смелых людей, вопросы типа профсоюзной деятельности, казалось бы чисто практические, увязываются с содержательной идеологией. Ведь их учат, что профсоюзы это тормоза экономического развития или, в лучшем случае, скучный бюрократический коллективизм.

П.А. У меня есть предположение, что вот эта неожиданно народившаяся активистская функция УУ может послужить катализатором студенческой активности, демонстрируя саму возможность решения или хотя бы реагирования на конкретные проблемы: будь то стипендии, исключения, выселения и так далее. В дальнейшем же, представляется, что этим интересы студенчества не ограничатся, а рано или поздно возникнет вопрос об определении того, чему мы учимся. Вот этот мотив, появившийся и у ОД – определения контуров образовательного процесса и активного вовлечения студентов в исследования с самых первых курсов – и должен быть взят на вооружение УУ. Многие мои приятели явно ощущают, что их учат чему-то не тому, во всяком случае не тому, чему они хотели бы учиться и чему, возможно, обещало учить название вуза: даже художественные вузы с самыми артистическими названиями кафедр учат офис-менеджменту.

А.М. Является ли это действительной повесткой дня при нынешних условиях макроуправления? Не есть ли это скорее мечта и ностальгия – по 68-му разумеется – одновременно породившая более чем оригинальную практику проживания в городе, что бесценно с точки зрения культурной истории. Даже при том, что темы и акции УУ строятся вокруг левого тематического ядра, а эта политика проводится очень решительно. Настолько, что многих отпугивает от столь прекрасной затеи как дебаты молодых людей на улице.

А.С. Дело даже не в каком-то демоническом либерализме, а в том, что существует чудовищнейшая идиосинкразия – причем новостью для меня было то, что идиосинкразия эта не у поколения правозащитников 70-х годов, грубо говоря, советской интеллигенции, а у поколения молодого – к любой тематизации протеста, солидарных действий, общественных изменений, не говоря уж о неомарксизме. В умах господствует инерция недоверия ко всему, что связано с советским опытом коллективности, идеологизации групп и движений. Если мы займем сколько-нибудь объективную позицию, мы заметим, что все проведенные на УУ доклады и акции были настолько умерены, что ситуационисты над нами просто смеялись бы, но нашим либералам мы кажемся ультралевыми радикалами. И это структурная проблема: наш образованный класс на 95% состоит из людей, у которых любая левая тематизация и риторика сразу вызывает ментальное отторжение.

П.А. Но значит ли это что, мы должны занять исходя из этих структурных условий более умеренную позицию, чтобы дать возможность образованному (и образующемуся) большинству как-то соотносить себя с нами, или мы должны скорее ориентироваться на те фигуры истории и речи, перед которыми нам было бы стыдно, как ты говоришь? Я вижу УУ скорее таким субъектом действия даже не только в интересах студенчества, а вообще по всем наиболее актуальным социальным и городским позициям.

А.С. Здесь я тоже вижу ножницы, опасность другой крайности. Энергия протеста не возвращается в университеты, чтобы создать независимые студсоветы, а вместо этого направляется в уличное пространство, ради устройства сиоиминутных политических хэппенингов. Что само по себе замечательно, но принципиально переориентирует УУ с проблематизации институционального академического пространства на акции быстрого реагирования, выглядящие в долгосрочной перспективе не столь многообещающе и масштабно, как реально действующий независимый профсоюз. Мы как бы наталкиваемся на невозможность первого и оттого выплескиваемся во второе. Одно другому вроде бы не мешает, но в стратегическом плане важнее медленнее, возможно, не так эффектно, но искать солидарность в академическом пространстве – с тем, чтобы его расшатывать и переизобретать, воспитывать поколение студентов, которые что-нибудь начали менять сами.

П.А. Возможно, тогда стоит задуматься о нескольких крыльях УУ, которые и так уже оформляются: активистское, просветительское, профсоюзное.

А.С. Это действительно гораздо более долговременная работа просветительского толка – работа по привнесению в студенческую среду текстов, опыта и знания о том, какая институциональная критика, какие традиции альтернативного производства знания, практики сопротивления существуют. С другой стороны, это просвещение должно быть сцеплено с пониманием того, что в академической среде существует гегемония определенной идеологии, порождающая дефицит другого знания. В этой композиции и должно кристаллизоваться что-то, идущее от самих студентов и не ограничивающееся точечными протестными жестами.

П.А. Но мне представляется, что в состоянии нынешней демобилизации эти акции прямого действия и могут как раз создать поле привлекательности, поле демонстрации самой возможности коллективности и протестности, чья энергия затем может быть претворена в создание ячеек самоуправления и самообразования, но пока это конечно звучит совершенно утопично.

А.С. Сеть самоуправления, однако, в дальнем прицеле будет эффективнее еще и по причине своей относительной неуязвимости, потому что если в случае акций есть опасность одного-двух арестовать, всех напугать и все закончится, то сетевая, кружковая просветительно-активистская структура, если таковая зародится, сможет пережить большее количество внешних ударов; условно говоря, если кто-то уехал из Петербурга, закончил учиться, или отчислен, или потерял интерес, да всякое бывает, то структура все равно уже существует. То есть отряд не должен замечать потери бойца. Поэтому, возможно, сейчас имеет смысл сделать акцент на более консервативной, «тихой» форме семинаров, как более амортизационной в условиях нынешней реакции, семинаров, которые дадут возможность студентам встречаться и целенаправленно самообразовываться, подводя к тому, что другое знание возможно, консолидация возможна, другие формы воздействия на учебный процесс возможны. Нужно заниматься своего рода подрывным просвещением, удерживая стратегическую перспективу коллективного выступления, потому что противоречия все равно будут только обостряться.

Павел Арсеньев, поэт, редактор альманаха “Транслит”
Артемий Магун, философ, доцент Европейского Университета
Александр Скидан, поэт, эссеист, лауреат премии Андрея Белого

Pavel Arsenev is a poet and editor of Translit almanach.
Artemy Magun is a philosopher and a lecturer at the European University.
Alexander Skidan is a poet, essayist and Andrei Bely Prize laureate.

Текст листовки, описание, видео с акции:
<http://streetuniver.narod.ru/11.htm>



Священное негодование как форма борьбы с гуманитарным знанием

Русская православная церковь, знаменитая продолжительным процессом введения религиозного воспитания в учебных заведениях, предъявила теперь и имущественные претензии Российскому Государственному Гуманитарному Университету. Учебные аудитории оказались монастырскими владениями. Суд удовлетворил требования истца и вот в апреле 2008 года в учебное заведение являются не только судебные приставы, но и отряд казаков, исполненных священного негодования. Если с Нового времени церковь мыслила своим основным врагом естественнонаучное знание, то сегодня священное негодование направляется на знание гуманитарное.

Нужно сказать, что сегодня церковь давно выступает в роли субъекта недвижимости, а не «субъекта духа». Церковь будто не претендует на многое, а смиряется со статусом отдельного игрока в коммерческом поле. Однако появляющиеся сегодня имущественные претензии подобного масштаба следовало бы рассматривать скорее как пропорциональные претензиям ментальным. Кроме того ряд проведенных мероприятий, крупнейшее из которых введение религиозного воспитания в учебных заведениях, не позволяет уже не видеть в этом отчетливых притязаний на культурную гегемонию, являющуюся в конечном счете опять же инструментом материальных интересов, возможно, только большего масштаба и более долгосрочной перспективы. Секуляризация монастырских владений и отделение церкви от государства, последовательно осуществлявшиеся с эпохи Просвещения и шедшие параллельно с развитием научного знания и формированием демократического общества во всей Европе, включая Россию, наталкиваются сегодня на ультрареакционные меры со стороны института церкви, вновь стремящегося срастись с институтом государства. Этот бизнес-проект сулит обоим институтам долгосрочные материальные выгоды.

Righteous Anger as a Weapon against the Humanities

The Russian Orthodox Church, notorious for its protracted struggle to introduce religious education in public schools, has now also become entangled in a property dispute with the Russian State University for the Humanities (Moscow). Some of the university's classrooms, the church claimed, belonged to the monastery next door. The court ruled in favor of the plaintiff when the dispute went to trial, and in April 2008 not only did court bailiffs show up at the university building to reclaim the church's alleged property, but they were reinforced by a platoon of righteously angry Cossacks. Whereas, with the advent of the modern age, the church imagined the natural sciences as its principal foe, nowadays its righteous anger is directed against the humanities.

The Orthodox Church has for some time now acted as a subject of real estate rather than as a “subject of the spirit.” It is as if the church has given up its greater mission and settled for the role of a player in the commercial field. However, the petty property disputes that it has initiated now should be viewed, rather, as consonant with its spiritual and intellectual pretensions. Besides, the recent measures taken by the church—the most notable of which has been the introduction of religious education in public schools—no longer allow us to ignore the clear fact that it lays claim to cultural hegemony. In the final analysis, this hegemony is an instrument of material interests that might be greater in scale and longer ranging. The secularization of ecclesiastical holdings and the separation of church from state have been steadily advanced from the Enlightenment onwards, and these processes have developed in parallel with scientific progress and the formation of democratic society throughout Europe, including Russia. Now these processes have collided with ultra-reactionary measures on the part of the established church, which once again aspires to a fusion with state power. This business project promises both institutions long-term material gain.

Уличный Университет, взявший на себя роль субъекта действия в интересах студенчества, не мог не отреагировать на подобный эпизод экспансии. Наша протестная акция “Религия - это стоматология“, состоявшаяся 11 мая на паперти Казанского Собора и включавшая в себя выступление, пластику и раздачу листовок, была направлена против имущественных и культурных претензий РПЦ, замкнутых друг на друга и угрожающих сегодня как возможности получения гуманитарного образования, так и успеху формирования гражданского общества в России. Акция носила как антиклерикальный характер, так была направлена и на выполнение еще одной из декларированных задач УУ – возвращение публичности стремительно сужающемуся публичному пространству. Сама композиция площади и архитектура собора располагали к политическому action'у со времен Плеханова. В феврале 1917 года именно к Казанскому собору приходят бастующие текстильщицы с Выборгской стороны (когда на них выпускают казаков, которых в городе всегда не любили). Именно эти собор и площадь, расположенные на центральном проспекте потребления, ареала света и полусвета, в пространстве классового врага, стяжают славу отправной точки революции. В 90-е года, нынче порицаемые при каждом удобном, ступени Казанского собора также служили демократической площадкой для сбора самых различных групп, были своеобразной агорой. Сегодня и собор и площадь обнесены решеткой. Городское пространство хотя бы на примере этого исторического места все больше начинает походить на туннели для циркуляции атомизированных индивидов от одного торгового центра к другому, чисто технически исключая саму возможность коллективного действия, шествия, собрания. Мы не заводим плач о разрушении старинных дворцов. Мы создаем новую разметку городского пространства, не обусловленную топографией новых дворцов консьюмеризма.

Having taken on the role of a subject acting in the interests of students, the Street University could not help but react to this expansionism. Our protest action “Religion Is Stomatology” took place on May 11 on the steps of Our Lady of Kazan Cathedral. The action included the recitation of a poem, a performance, and the handing out of leaflets. The action was directed against the cultural and proprietary pretensions of the Russian Orthodox Church. These pretensions have short-circuited and today threaten the right of students to receive a liberal arts education. The action was anti-clerical in character. It also aimed to fulfill one of the SU's declared goals—to return the public to a public space that has shrunk precipitously. The layout of the square in front of the cathedral and the architecture of the cathedral itself have lent themselves to political action since the time of Plekhanov. In February 1917, striking textile workers marched from the Vyborg Side to Kazan Cathedral, where they were attacked by Cossacks (who had always been hated by Petersburgers). Situated on the city's central consumerist boulevard, the habitat of the beau monde and the demi-monde, the territory of the class enemy, this cathedral and this square thus became famous as a starting point of the revolution. In the nineties (which are now denounced on every possible occasion) the steps of Kazan Cathedral likewise served as a democratic meeting place for the most various groups; the place became a kind of agora. Nowadays, a fence surrounds the cathedral and square. As this example shows us, the space of the city comes more and more to resemble a network of tunnels for circulating atomized individuals from one shopping center to another, and thus it excludes the very possibility of carrying out collective actions, marches, and meetings on a purely physical level. We are not raising a lament over the destruction of old palaces. We are creating a new mapping of urban space that is not conditioned by the topography of consumerism's new palaces.

Остин определяет перформативное высказывание как противопоставленное констативному, и потому функционирующее в категориях не истинного/ложного, но успешного/неуспешного, что переводит его из регистра описания или объяснения объекта, в регистр его изменения (в номинальной форме апелляции к миру в общем виде). Перформативный речевой акт конституируется вовлеченностью в действие (на правах акцентирующей части) или полной тождественностью действию (сказать «объявляю» и есть объявить что-либо). В той мере, в которой знание можно соотносить с высказыванием, речевым актом, оно и может быть перформативным, т.е. апеллировать к реальности, будучи частью действия или тождественно действию по ее изменению. Более того учитывая, что всякое высказывание/знание идеологично по определению, тем лучше если его субъект осмысляет его как перформативное, то есть находящееся не в юрисдикции «правды», но в координатах прагматики.

Постулат панидеологичности дискурсов при всей своей прогрессивности находится в зависимости от идеи пандискурсивности идеологий, (интер)текстуальности всякого, включая самое радикальное, высказывания. И именно здесь следует уточнить, что под перформативным знанием мы подразумеваем не столько отдающий себе отчет в собственной ангажированности дискурс, сколько прямое недискурсивное действие в публичном пространстве, ангажированное знание в действии – коллективном и протестном.

Прямое действие очевидно противопоставлено действию опосредованному - общественными институтами, демократическими или только так называемыми процедурами, выборными представителями. Акции прямого действия становятся возможными и насущными тогда, когда описанные опосредования осознаны как фальсифицирующие. Собственно, именно формированию расслабленного истеблишмента, делает возможным активистское высказывание. Несмотря на расцвет активизма именно в 90-е, бывшие будто бы апофеозом свободы, а в действительности просто перекраиванием публичного пространства, первые «прямые» высказывания были скорее звукоподражательными и автореферентными, нежели полноценными утверждениями. Жесты и мимика предшествуют речевой деятельности, хотя никогда и не перестают сопровождать ее.

В Советском Союзе и вовсе примером оппозиционного знания было письменное, подрывной – литература, отсюда и характер советской оппозиции. Сегодня же, когда никто не принуждается к участию в демонстрациях, и эта форма восстает из дискредитированного состояния, политика может вернуться на улицу. Данное не значит, что современное положение вещей каким-либо образом предрасположено к такой политике «снизу», но только то, что режим социальной репрезентации создает чисто структурную возможность таковой. В 90-е эта возможность скорее опьяняла, сегодня она может быть использована по назначению.

В акциях прямого действия есть также определенный трансгрессивный компонент («Первый поступок сюрреалиста – выйти на улицу и стрелять по случайным прохожим») и следующая из него опасность аутоэстетизма участников, ловушка зависимости от коэффициента «убийственности» акции для прохожих/обывателей. Безусловно имеет место риск собственным телом, но готовность к нему может определяться и другими мотивами, в очертаниях приближающимися к страшному слову «самопрезентация». Примат функциональности высказывания, отчетливо сформулированное политическое сообщение способны приучить форму акции, сделать ее инструментом «шантажа» высказывания. И все равно уличная акция может стать игрушкой в руках структурной механики поля искусства. Отблеск трансгрессии (чья идея столь популярна в интеллектуалистской среде) в акциях прямого действия не должен затмевать политического стэйтмента, своей конститутивной функции - проведения нового фронта освобождения.

J.L. Austin defines a performative statement as the opposite of a statement of fact. It therefore functions not in the categories of true/false, but in the categories of successful/unsuccessful. This shifts it from the register of describing or explaining the object to the register of altering it (in the nominal form of an appeal to the world as such). The performative speech act is constituted by its involvement in action (as its accentuating component) or by its total identity with action (to say “I declare” is the same thing as to declare something). To the degree to which knowledge can be related to the utterance or speech act, it can be performative—that is, it can appeal to reality, being a part of action or identical to action insofar as it alters reality. Moreover, considering the fact that any utterance or form of knowledge is by definition ideological, it is all to the better if its subject interprets it as performative—that is, as something situated not in the jurisdiction of “truth,” but in the coordinates of pragmatics.

Its progressiveness notwithstanding, the postulate that states that all discourses are ideological depends on the notion that all ideologies are discursive, that all utterances, even the most radical, are (inter)textual. And it is right here that we should clarify what we mean by performative: not so much discourse that is aware of its own engagement, as direct nondiscursive action in public space, knowledge engaged in action, in the collective action of protest.

Direct action is obviously opposed to mediated action—to action mediated by social institutions, democratic or so-called democratic procedures, and elected representatives. Direct action becomes possible and essential when these intermediaries are understood to be falsifications. Strictly speaking, it is the emergence of a weak establishment that makes the activist statement possible. Despite the heyday of activism in the nineties (which had been the apotheosis of freedom as it were, but in fact had been marked by the reshaping of public space), the first “direct” utterances were onomatopoeic and self-referential rather than full-blooded affirmations. Gestures and mimicry precede speech activity, although they never cease to accompany it.

In the Soviet Union, the exemplar of oppositionist knowledge was the written word, and literature was subversive; hence the character of the Soviet opposition. Nowadays, however, no one is forced to take part in demonstrations. This form is rising again from its discredited status, and politics might return to the street. This doesn’t mean the current state of things is in any way predisposed to a politics “from below,” but only that the regime of social representation creates the structural possibility of such a politics. In the nineties, this possibility was intoxicating more than anything else; today, it can be used the way it was meant to be used.

There is a certain transgressive component (“*The simplest Surrealist act consists of dashing down into the street, pistol in hand, and firing blindly, as fast as you can pull the trigger, into the crowd*”) in direct action, and the consequent danger of auto-aestheticism for participants, the trap of becoming dependent on the action’s “murderousness” vis-à-vis passersby and philistines. Of course there is the risking of one’s own body, but the willingness to take this risk can be determined by other motives that in their general outlines approach that terrible word “self-representation.” The primacy of the statement’s functionality and a clearly articulated political message can tame the action’s form, make it a tool of the statement’s “blackmail.” And even so a street action can become a tool in the hands of art’s structural mechanics. The glow of transgression (a notion quite popular in intellectual circles) in direct action shouldn’t eclipse the political statement, whose constitutive function is to open a new front of liberation.



В воскресенье, 18 мая в переходе между центральными станциями метро - Гостинный двор и Невский проспект – состоялась акция возмездия по отношению к засилью рекламы в публичном пространстве. Весь указанный переход был заклеен однообразной рекламой каких-то электрических гаджетов, которыми оснащены фальшиво обнимающиеся парень с девушкой. Группа молодых людей, не вытерпевших столь изощренного насилия над своим воображением, учинила настоящую «декомпозицию» рекламы. На протяжении нескольких минут плакаты срывались, исписывались протестными лозунгами, а листовки раздавались пассажирам, которым посчастливилось стать свидетелями этого «срыва». Главной задачей активистов являлось, видимо, сообщение о том, что если реклама повешена, то это вовсе не значит, что так оно и должно быть. Публичное пространство, коим всегда являлся общественный транспорт, с насаждением капиталистических производственных отношений в стране продолжает неуклонно сужаться. Его исподволь заполняют рекламные образы. И существует некий предел, после которого наиболее чувствительные (к подобному роду символического насилия) индивиды лезут на стены. В данном случае, в буквальном смысле. В листовке, впрочем, значится следующее: *«символическое насилие в первую очередь ужасает тем, что мало кто согласится, что расценивает его действие по отношению к себе как насилие. Насилие приобретает изощрённые формы, уничтожая всё личностное и неадаптированное первичными структурами заботы со стороны государства, и теперь мало кто скажет, что он чувствует, как его угнетают. И кто именно его угнетает. Люди считают, что блеск рекламных плакатов, рисующих жизнь, которая для многих только недавно стала реальностью или, точнее, приобрела черты мифического правдоподобия, не в коей мере не затрагивают их субъективность. Ведь если реклама висит или стоит пусть*

прямо перед лицом, тем не менее, всегда остается шанс от неё отклониться и не заметить, сохранить фигу в кармане: «нет уж, вы меня не убедите». Однако же, совсем незаметно для нас, мы начинаем шаблонно мыслить, цитировать рекламные слоганы в повседневной речи, наши мечты неуклонно устремляются к рекламным образам, и мы всё чаще предпочитаем созерцать их и перечитывать слоганы многому раз, нежели обращать внимание на людей, которые томятся в том же транспорте, что и мы в час-пик».

Таким образом, на насилие символическое молодежь начинает отвечать насилием непосредственно направленным на носители (разносчиков) рекламных образов. Молодые люди, еще не окончательно интегрированные в общественный консенсус и не желающие уходить в галлюциноз субкультур, не готовы мириться с повседневным символическим угнетением, непременно оборачивающимся угнетением имущественным. Как пишет Дебор, которому ребята очевидно стремятся наследовать, «первая стадия господства экономики над общественной жизнью привнесла в человеческую жизнь деградацию понятия «быть» в «иметь», сегодня же фабрикуемой индивидуальной реальности и вовсе позволяется казаться таковой в той мере, в какой она ею не является». Грань между человеческими ценностями и образами товара сегодня действительно стремительно истирается. Чем больше человек созерцает последние, тем меньше он живет. Как, впрочем, показывает прошедшая акция, молодежь не только не готова разменивать идеалы молодости на рекламные мифы, поставляемые суррогаты свободы в виде плеера, затыкающего уши, но способна и на настоящее сопротивление подобной подмене. Если вы увидите молодого человека, расправляющегося с рекламой, знайте: еще один решил плевать на этот спектакль, спектакль повсеместного предоставления выбора, уже сделанного капиталом.

Children of the Underground: “Your Advertisement Makes Us Climb the Walls!”

On Sunday, May 18, an act of revenge against the domination of advertising in public space was carried out in the transfer tube between two central stations in the Petersburg metro, Gostiny Dvor and Nevsky Prospect. The entire passageway had been pasted over with a monotonous advertisement for electronic gadgets. The ad shows a young man and woman equipped with these gadgets and locked in an insincere embrace. Unable to countenance such a subtle rape of their imaginations, a group of young people performed a genuine “decomposition” of the ad. Over the course of several minutes, they tore down the panels of the ad, covered it with protest slogans, and leafleted the passengers who were lucky enough to witness this “breakdown.” The activists’ main task was, apparently, to spread the message that if an advertisement has been hung up, that doesn’t mean at all that this should be the case. Public transportation had always been a part of public space, but with the imposition of capitalist relations of production in Russia, public space has steadily continued to erode. It is gradually being captured by advertising images. And there is a certain limit past which the individuals most sensitive to this species of violence climb the walls—in this case, literally. The leaflet, however, has this to say: “*Symbolic violence is terrifying in the first place because there are very few people who would agree that is directed towards them. Violence disguises itself in subtle forms, destroying all that is personal and unadapted by the state’s primary welfare structures, and now there are few who would say that they feel they are oppressed or precisely oppresses them. People believe that the shine of advertisements (which depict a life that, for some, has only recently become reality, or rather has taken on the traits of a mythical verisimilitude) doesn’t in any impinge on their subjectivity. For if the ad stands or hangs right before us, we nevertheless have the chance to turn away from it, pretend not to*

notice it, invisibly cock it a snook—“No way, you won’t persuade me.” In fact we don’t notice that we have begun to think in cliches, and quote advertising slogans in conversations. Our dreams hearken more steadily to advertising images, and more often we prefer to contemplate these images and reread advertising slogans over and over rather than pay attention to the people who languish along with us in the subway during rush hour.”

Thus, the young people have begun to respond to symbolic violence with a violence immediately directed at the media of advertising images. Not yet totally integrated into the social consensus and having no desire to retreat into the hallucinations of the subcultures, these young people are not ready to reconcile themselves to a daily symbolic oppression whose inevitable flip side is material oppression. As Debord (whose legacy the kids obviously want to inherit) writes, “The first stage of the economy’s domination of social life brought about an evident degradation of being into having. [...] At the same time all individual reality has become social, in the sense that it is shaped by social forces and is directly dependent on them. Individual reality is allowed to appear only if it is not actually real.” Today, the line between human values and images of commodities really is rapidly eroding. The more the individual contemplates these images, the less he lives. As their action has shown, however, the young people are not only unwilling to barter the ideals of youth for advertising myths (which supply a surrogate of freedom in the form of a Walkman that plugs your ears); they are also capable of mounting a genuine resistance to such false substitutions. If you see a young person taking her vengeance on an advertisement, then you’ll know that one more person has decided to spit on this spectacle—the spectacle of the ubiquitous choice that has already been made by capital.

George | Nodes of Crystallization

The Text of a Talk Given at the Street University on the theme “Street Activism and Social Action”

Premises

1. On the subjective level, street activism begins with the understanding that it is impossible to go on living the same way. Something has to be changed. I don’t want talk now about the reasons this understanding arises, or whether this is good or bad. As the previous speaker argued, it could very well be the case that people don’t engage enough in personal asceticism. Perhaps. But what I want to talk about is the fact that this understanding arises and it is this that impels the individual to social action on the streets.

2. Street activism is just a means. We can talk about it only in the context of the concrete goals and tasks that any particular action sets itself. It is a pointless exercise to deduce the qualities of street activism per se and then argue over what actions fit this category.

3. All the current trends are mistaken. Of course, I don’t mean to say that social activism is unknowable. Moreover, I don’t mean to say that it’s impossible to take a clear stance on concrete issues. What I mean is that however clear and well-formed our theories and our stances are, it is only social practice that gives us answers to the questions that interest us. And we should be ready to question not only the correctness of our actions, but also the correctness of our initial premises.

Tasks

1. *Theoretical.* It is in the course of social practice that we receive information about how society is structured and functions. Struggle with the dominant discourse. Aside from the “I say” of power and capital, the official discourse also bears within it a wholly concrete ideology, ethics, and system of understanding how the world works. On the other hand, any claim that the content of this discourse can be discussed is a sham because the means of information are monopolized by the authorities and corporations.

Hence:

- a. Breaking the informational blockade. The total “I say” of the dominant discourse is thus destroyed. Voices began to resound in our vicinity. A space is formed in which the possibility of speaking and being heard is realized.
- b. Creating a new discourse. Unlike the official discourse, the new discourse is thoroughly bound up with discussion and is produced by means of social practice—that is, by means accessible to everyone.

2. Pedagogical

- a. Self-consciousness. In the course of practice, the activist listens attentively to himself. He overcomes fear and social habits. He acquires the capacity to be bold and decisive. He learns.
- b. Recognizing comrades. Developing camaraderie and collectivism.
- c. “The Node of Crystallization.” I’ll give you an analogy. In your high school physics classes many of you learned about the phenomenon of a saturated salt solution. The clear liquid retains its qualities until a grain of sand is dropped into it. Then all the salt in the solution is instantly precipitated, crystallizing around the grain of sand.

Oppressive social reality produces a mass of discontented people. However, this discontent is not manifested until an organizing link emerges. Street actions are this organizing link. Of course, the masses support social action only when the “solution” has become “saturated”—in other words, during a “revolutionary situation.” But how will we know when it has arrived? Only by trying to find out.

In my view, street activism is guided precisely by the considerations I’ve outlined above. But its concrete form is determined by the means that are available—i.e., the quantities and qualities of the activists, money, connections with other social movements, cars, photocopiers, conspiratorial apartments, and (the most important thing nowadays) access to information. It often happens that the set of possible actions is not huge, in which case the activist has to act on the basis of only thesis: if there is a possibility to do this and at least a tiny chance that it will help the movement, then I must do this.

Георгий | Зерна кристаллизации



Доклад, сделанный на Уличном Университете 25 мая по теме “Уличный активизм и социальное действие”

Посылки:

— Уличный активизм, на субъективном уровне, начинается тогда, когда приходит понимание — так жить нельзя. Надо что-то менять. Не хочу говорить сейчас о причинах возникновения такого понимания. О том, хорошо это или плохо. Очень может быть, что, как говорил предыдущий докладчик, люди недостаточно занимаются внутренней аскезой. Может быть. Но сейчас речь идет о том, что такое понимание возникает и именно оно понуждает человека к социальному действию на улице.

— Уличный активизм лишь средство. Разговор о нем возможен только в контексте тех конкретных целей и задач, которые ставит перед собой каждое конкретное действие. Выводить свойства уличного активизма самого по себе, а потом рассуждать, какое действие подходит под уличный активизм, а какое нет — занятие бессмысленное. Каждое действие должно обсуждаться в контексте тех целей и задач, которые оно перед собой ставило.

— Все ныне действующие течения заблуждаются. Разумеется, я не хочу этим сказать, что социальная действительность непознаваема. Тем более я не хочу сказать, что невозможно занимать какую либо четкую позицию по конкретным вопросам. Речь о том, что как бы четка и стройна не была наша теория или наша позиция — ответы на интересующие нас вопросы дает только социальная практика. И мы должны быть готовы подвергать сомнению не только верность своих действий, но и верность своих исходных посылок.

Задачи:

— *Теоретическая.* В ходе социальной практики мы получаем информацию об устройстве и функционировании общества.

— Борьба с господствующим дискурсом. Официальный дискурс кроме тотального «я говорю» власти и капитала несет вполне конкретную идеологию, этику, систему взглядов на мироустройство. С другой стороны декларируемая возможность дискуссии о содержании этого дискурса является мнимой, т.к. средства информации монополизированы властями и корпорациями.

Отсюда:

- А) Прорыв информационной блокады. Таким образом, разрушается тотальное «Я говорю» господствующего

дискурса. Рядом начинают звучать голоса. Образуется пространство, в котором реализуется возможность говорить и быть услышанным.

- Б) Создание нового дискурса. В отличие от официального он непрерывно связан с дискуссией и создается посредством социальной практики — т.е. средства доступного каждому.

— *Педагогическая.*

- А) Самопознание. В ходе практики активист внимательно прислушивается к себе, преодолевает страх и социальные привычки, вырабатывает навык смелости и решительности, учится.

- Б) Познание товарищей. Выработка товарищества и коллективизма.

- В) «Зерно кристаллизации». Приведу аналогию. Из школьного курса физики многим известно явление «насыщенного» соляного раствора. Прозрачная жидкость сохраняет свои свойства до тех пор пока в нее не будет опущена песчинка. После чего вся имеющаяся в растворе соль мгновенно выпадает в осадок, кристаллизуясь вокруг песчинки.

Угнетающая социальная реальность создает массу недовольных. Однако недовольство не проявляется до тех пор пока не возникает организующее звено. Этим звеном и являются уличные акции. Разумеется, массы поддержат это социальное действие когда «раствор» станет «насыщенным» или, иначе говоря, в момент «революционной ситуации». Но как мы узнаем, что он уже наступил? Только пробуя.

На мой взгляд, уличный активизм направляется именно вышесказанным. Но конкретная его форма определяется теми возможностями, которые есть в наличии. Это численность и качественный состав актива, деньги, связи с другими социальными движениями, машины, множительная техника, конспиративные квартиры и самое главное сейчас — информированность.

Частенько оказывается, что ассортимент возможных действий невелик и активист должен действовать исходя лишь из одного тезиса — если есть возможность это сделать, и есть хоть малейший шанс, что это принесет пользу движению — я должен это сделать.

Группа “Война” | ”Больше акций, всяких и разных!”

Группа «Война» кажется мне здоровой реакцией на существующую ситуацию в искусстве, российском и московском, ситуацию, когда художники плотно засели в галереях, когда им непременно требуются деньги на проект, требуются профессиональные рабочие и смотрительницы, — словом, требуется система, которая признавала бы за ними привилегию производителей эстетического продукта. И такая система, безусловно, сложилась, она часть путинской нефтяной парадигмы «стабильности», которая, естественно, пустила уже очень серьезные идеологические корни (например, все сильнее слышится пафос «чистого искусства», свободного от «политики» и прочей суеты земной). Искусство в этой ситуации становится либо просто сферой выгодного вложения, либо этакой вуалью, прикрывающей движение денежных потоков. «Война» по-своему противостоит этому, но не из каких-то серьезных принципов и не из-за твердой политической позиции, которой, по-моему, нет, а просто потому, что существовать в этой ситуации, играть по ее правилам довольно скучно. Гораздо веселее и естественнее устроить костер на выставке. Гораздо веселее жить в искусстве, чем продуцировать его.

Все это действительно напоминает акционизм 90-х, когда, например, Бренер тащил Кулика на поводке, и каждый при этом думал о том, кто же в итоге станет ГЛАВНЫМ героем этой акции. Или кто кого лучше использует — художники Гельмана или Гельман художников. Эта инструментальная, деполитизирующая логика, соединенная с очень мощной вовлеченностью, зрелищностью и накалом, а также готовностью (весьма редкой, кстати, в наше время) реально рисковать своими телами, — те свойства акционизма, которые возрождает сейчас «Война». Этакий радикальный вид независимого коллективного предпринимательства в ситуации, когда все уже вписались в одну большую монополию и не рыпаются, чувствуя себя при этом настоящими большими художниками, занимающимися «своим делом». Короче говоря, я понимаю тех, кто оценивает «Войну» негативно, тех, кто видит в них голый технологический цинизм, но считаю, что они создают достаточно серьезный вызов, который не так-то просто обойти...

В своих акциях прямого действия (таких, как забрасывание кошками Макдональдса в честь 1 мая, совокупление в Биологическом музее в честь выборов президента и т.п., поздравительный визит в милицию в честь инаугурации, поминки по Дм. Ал. Пригову в вагоне метро и т.п.) изошренно балансируя между политической провокацией и гражданским протестом, критикуя вялые, неизобретательные политические практики, с одной стороны, и повальный галерейный арт-конформизм, с другой, «Война», естественно, вызывает массу критики со стороны политического и художественного эстаблишментов — в том числе, за подмену по-настоящему политического (коллективного, эмансипирующего, потребность в котором действительно насущна) высказывания и действия эстетизированным, протестным жестом, востребованным сетевым обывателем и акционистскими группами с сомнительной сумбурной идеологией, за дискредитацию прогрессивного, критического (не говоря об эстетическом) измерения современного искусства (и без того раздражающего и маловостребованного в реакционном обществе). Сейчас рано говорить, насколько обоснованы эти претензии — это будет видно из развития сопротивленческой активности и самой группы «Война». В любом случае, акции и декларации «Войны» необходимы для разговора о неформальной политике и прямом действии сегодня.

Кирилл Медведев, социалистическое движение >Вперед>>

Позиция группы «Война» - читайте, соотноситесь, критикуйте, делайте сами:

Наша деятельность - политическая, и язык, которым мы пользуемся, политический, но главное отличие этого языка - в противоречии тому, как принято выражаться в мейнстримовой политике. Таким образом, в акциях «Войны» - критика, издевательство над “политическим” способом говорения, а шире - борьба с сегодняшним политическим мейнстримом, неживым, уродски архаичным. Другая часть согруппников, поменьше, считает акции вполне художественными - но на политические темы. Так или иначе, это - участие в политике, но играем мы по своим правилам. Политика - это обязательная область активности, в том числе художественной. Кто не занимается политикой - вяло тащится по обочине, или заглох в бытовой канавке экзистенциального тупика, или уже сражен и доставлен в реанимацию. Короче, наш путь - брыкаться в полит-загоне. Протестная уличная политика - это нелегальная политика, допускающая насильственные и незаконные акты. Иначе все сводится к бессмысленным, особенно здесь и сейчас, демонстрациям: силы ГОМО-полков, снаряженных будто для космической экспедиции, разгоняют не в ногу марширующую оппозицию при полном равнодушии “народа”. Они мирно топают, их развозят с подзатыльниками по отделениям - и марширующие чувствуют себя гражданами и героями. Результаты ноль.

Задача художника - выработать новый язык, актуальный для своего времени. Если он совсем не занимается разработкой своего языка, то это не художник. На языке должно стать возможным целое, универсальное, нефрагментарное высказывание о сегодняшней действительности и действительности скорого будущего. Иначе - индивидуальная тухля, еще и манерное, “какое, милые, у нас тысячелетье на дворе” - художник-то всегда рад считать свои творения частичкой вечного.

Хором и отовсюду раздается сейчас пиздеж, что практики уличной политики устарели, прошли, мол, десятилетия, тридцатые, шестидесятые и другие годы. Бессмысленно объединять дохлые людские толпы в народ - которого больше нет. Но по-настоящему действенных практик из виртуального, скажем так, мира - тоже ведь не поступило. Товарищи жежисты не в состоянии даже отвлечься от своего унылого комментирования и залить интернет хотя бы на треть сугубо протестной информацией. Так, чтобы стало неустрашимым фактом то, что рунет на треть - это революционные материалы, освоенная и укрепленная территория оппозиции, чтобы дела вроде дела Саввы Терентьева стало невозможно фабриковать, чтобы многочисленное сетевое сообщество заявило, что не считает его высказывание - преступлением. Когда закон перестает пересчитывать? Когда большинство населения не считает его законом, ни царским, ни божьим. Интернет - гуляй-поле.

Больше акций, всяких и разных! Не важно, что по качеству они могут быть не очень доработанными. Важно забить числом. Московские ребята нарочно не заплатили по счету в бюджетном ресторане. И назвали это акцией - значит обращаются к широкому городскому массам: “Делайте так, как мы”. Смысл ее, безусловно, в этом назывании. Война занимается подобным ежедневно. Пожрать и съебаться из ресторана ничего не стоит. У нас это элементарная техника быта, никакой художественности. Важно, применять опыт евро-анархистов, для которых такое дело - что-то вроде здешнего FNB по регулярности, поставлено на поток: врываются группой в 20-30 человек в магазин, сметают с полок продукцию и тут же на улице раздают прохожим или прямо внутри супермаркета делают объявление “народу - продукты бесплатно” и начинают их раздавать. Такие акции увеличивают градус буйности, неповиновения - очень, очень еще низкий среди молодежи в России.

Но это более-менее стиличные вопросы - демонстрировать себя политическими методами. Уже в крупном Новосибирске идея массовых гражданских выступлений на улице сведена усилиями местных арт-персонажей к вялой хохме для выкладывания в блогах. На тамошних “Монстрациях” молодежь выходит 1 мая, каждый с индивидуальным, намеренно наиболее дурацким и безболезненным транспарантом в стиле “все идут на юх”. Это пристало дню дурака, а не Первомаю. Но и полезный вывод из новосибирских шествий есть: толпу можно подавать как огромное множество одиночных пикетов, в котором каждый пикетчик выбрал одно и то же место для себя - главную улицу города. Разрешения на одиночный пикет не требуется. Лозунги у всех разные - но ведь они могут быть и как бы разными. И вот реальная совместная сила как бы случайных одиночных пикетчиков готова шествовать в центре города. Вот в этом смысле мы занимаемся политикой. Хотя лучше назвать все, что подразумевается сейчас под политикой, общественно-полезными или общественно-вредными занятиями.

War Group | ”We need more actions, all kinds of different actions!”

To my mind, the War Group is a healthy reaction to the current conjuncture in the Russian and Moscow art scenes. Artists have firmly ensconced themselves in the galleries. They have to have money for their projects; they need the services of professional curators and other support staff. In a word, they need a system that will recognize their privileges as producers of aesthetic commodities. This system has definitely been established. It is an element of Putin’s oil-fuelled “stability” paradigm, which has already put down quite serious ideological roots. (For example, the cries on behalf of “pure art”—free from “politics” and other earthly vanities—have become louder and louder.) In this situation, art becomes either a successful instrument of capital investment or a front for money laundering. War opposes this state of affairs in its own way. Its opposition doesn’t stem from serious principles or a firm political position (which, I think, it hasn’t articulated). Rather, its opposition comes from the fact that it is quite boring to exist in this situation, to play by its rules. It’s a lot more fun and natural to build a bonfire in an exhibition space. It’s a lot more fun to live in art rather than produce it.

All of this is indeed reminiscent of the Moscow actionism of the nineties. Alexander Brener dragged Oleg Kulik around on a leash, and both artists were worried who in the end would emerge as the principal hero of this action. Or they wondered who was doing a better job of using the other—curator Marat Guelman or the artists themselves? This instrumental, depoliticized logic, combined with a quite powerful sense of involvement, spectacle, and intensity, as well as the willingness (quite rare in our day) to really put their bodies on the line, are the qualities of actionism that War is reviving today. They represent a kind of radical collective entrepreneurship in a situation where ev-

Monologue of War Group: Our work is political. The idiom the group employs is the idiom of politicians, but it’s a particular idiom. This idiom’s principal merit is that it contradicts the customary way of expressing oneself in mainstream politics. Thus, War’s actions are a critique and send-up of the “political” way of speaking; more broadly, they struggle against the current political mainstream, which is undead and monstrously archaic. The other part of our group’s members (the minority) believes that our actions are fully artistic, although they touch on political themes. In one way or another, we’re involved in politics, but we play by our own rules. Politics is an obligatory element of any activity, including artistic work. If you don’t do politics, you’re just standing on the sidelines. Or you’ve gone to seed in the ditch of everyday life; you’ve gotten stuck in an existential dead end. Or you’ve been gunned down and hospitalized in the emergency ward. In short, our way is to stir up rebellion in the cattle pen of politics.

The politics of street protest is an illegal politics that admits the possibility of acts of violence. Otherwise, we’re left with senseless (especially here and now) demonstrations: the forces of the OMON, dressed up like cosmonauts, break up the out-of-step marches of the opposition, and “the people” are completely indifferent. They peacefully stomp along, the police smack them upside the head and haul them down to the precinct, and the marchers feel like citizens and heroes. The outcome is zero.

The artist’s task is to develop a new idiom that responds to the times he lives in. This idiom should make it possible to make a whole, universal, unfragmented utterance about today’s reality and the reality of the near future. Otherwise, we end up with individualistic rot and a manneristic “What century is it outside, dear children?” [Pasternak, “About These Poems”]. The artist, after all, is always happy to believe that his creations are a little particle of eternity. Everywhere we hear a chorus of voices chanting this crap that the practices of street politics are outmoded: the teens, the thirties, the sixties, and other decades are, they say, in the past. It’s pointless to unite dead crowds of folks into a “people” that no longer exists. But no genuinely effective practices have emerged from the so-called virtual world. The bloggers aren’t even capable of forgetting their commentaries for a minute and flooding even a third of the Internet with pure protest information, of making it an ordinary, incontrovertible fact that a third of the Runet [the Russian segment of the Internet] is filled with revolutionary material, of creating a zone that has been colonized and fortified by the opposition. We should jam the whole Runet with phrases about “faithless cops” and other vermin so that cases like the one against Savva Terentiev [a Syktyvkar blogger who has been

everyone else has already signed on to one big monopoly. No one grumbles about anything, but at the same time they feel like big-time artists engaged in (minding) their “own business.” I understand people who take a negative view of War, who see only barefaced tactical cynicism in their actions. However, I believe that they have raised a serious challenge that cannot be so easily ignored.

In their direct actions (e.g., tossing cats inside a McDonald’s in honor of May Day; copulating at the Biological Museum in the run-up to the presidential elections; visiting a police station to congratulate the policemen on the inauguration of President Medvedev; holding a wake for Dmitry Prigov in a Moscow subway car) War elegantly walks the line between political provocation and civic protest, thus criticizing the flabby, uninventive practices of the politicians, on the one hand, and the hegemonic gallery-bound art conformism, on the other. Naturally, this elicits a storm of criticism from the political and artistic establishments. Among other things, War is accused of replacing genuinely political statements and actions (i.e., collective and emancipatory actions, the need for which is really urgent) with the kind of aestheticized protest gesture favored by denizens of the Net and actionist groups touting dubious, incoherent ideologies. War is also accused of discrediting the progressive, critical (not to mention the aesthetic) dimension of contemporary art, which is already considered irritating and useless by our reactionary society. It is still too early to say how well founded these criticisms are: this will become clear as War’s resistance work and existence as a group evolves. In any case, the actions and declarations of War are essential to the conversation about informal politics and direct action today.

Kirill Medvedev, >Forward>>

charged with “inciting hatred against a social group” for a post in his blog that criticized “faithless cops”] would be impossible to fabricate. The numerous members of the Internet community need to declare that they don’t consider this sort of statement a crime. When does the law stop being enforced? When the majority of the population doesn’t consider it the law, neither the tsar’s law nor God’s law.

We need more actions, all kinds of different actions! It doesn’t matter whether they’re well developed in terms of quality. What matters is to overwhelm them with quantity. Some guys in Moscow deliberately didn’t pay their bill in a budget restaurant. They called this an action. That means they’re addressing the general public: “Do as we do.” The meaning definitely resides in this act of naming: this is an action. War engages in such stuff on a daily basis. It’s a snap to chow down and stiff the restaurant with the bill. This was an elementary tactic of ours, and there wasn’t anything artistic about it. What matters is that the comrades applied in their own way the experience of European anarchists, for whom this kind of thing—something like the local version of Food Not Bombs in terms of frequency—has become automatic: a group of twenty or thirty people bursts into a store, sweeps the products from the shelves, and then hands them out to passersby right there on the street or just shout “Free Food for the People” inside a supermarket and start to distribute. These kinds of actions raise the level of wildness and disobedience, which is now very, very low amongst young Russians.

But these are all more or less issues in the capital—to demonstrate oneself using political methods. In the major city of Novosibirsk, local artsy types have reduced the idea of mass civil demonstrations on the street to a tepid joke that you can advertise and document on the blog. During their so-called Monstrations on May Day, cheeky young people marching with their own handmade placards, which are supposed to be as silly and harmless as possible, with slogans like “Everyone Is Going Sowth” [sic]. This is appropriate for April Fool’s Day, not for May Day. But there is one useful conclusion we can draw from the Novosibirsk marches: a crowd can be presented as an enormous multitude of lone picketers in which each picketer has chosen one and the same place for his picket—the city’s main street. [According to Russian law] you don’t need permission for a lone picket. Everyone has different slogans, but they might only seem to be different. And so this real combined force of seemingly lone picketers is ready to march in the city center. This is the sense in which we’re engaged in politics. Although it would be better to categorize everything that is now meant by the term politics as socially useful or socially harmful activity.

Хенриетта Хейсе & Якоб Якобсен (Копенгагский Свободный Университет) | Мы победили!

Копенгагенский Свободный Университет (далее КСУ) прекратил свою деятельность к концу 2007 года и в связи с завершением проекта был опубликован следующий текст:

Весной 2001 года мы потребовали: Вся Власть Копенгагенскому Свободному Университету! Мы только что открыли свободный университет у себя дома в Нёребро (район Копенгагена). Это невероятное требование было выдвинуто в форме манифеста, предназначенного спровоцировать и нарушить спокойствие коллективного воображаемого, чтобы открыть новые потенциальные формы действия. Мы хотели взять власть.

Манифест был написан в весьма специфическом социально-политическом контексте, предшествовавшем 11 сентября 2001 года. Он был написан в настроении непоколебимости. Посредством КСУ мы стремились переизобрести власть и расшатать концепт так называемой «экономики знания» – термин, используемый для описания новой экономики, утвердившейся на рубеже тысячелетий. Разворачивающаяся экономика знания является частью неолиберальной кампании общественного контроля, осуществляемого финансовой и политической элитой, и описывает, какого рода цель лежит в ее основе: коммерциализация нашего мозга, нашей нервной системы, нашей субъективности, нашего желания, нас самих.

Посреди разворачивающейся «экономики знания», мы намерились сменить границы знания и развить новые средства сопротивления вторжению абстрактных калькуляций и капиталистической валоризации в нашу жизнь. Нашим намерением было пикетирование фабрики социального с целью предотвратить надвигающийся рейдерский захват. Мы сделали нашу квартиру пространством для социальных исследований и разведки в контексте, образованном жесткими фактами, неустойчивыми страстями и эмоциональной неуравновешенностью, что характеризуют нашу повседневность. Мы хотели повернуть реку вспять. Мы обошлись доступными средствами: матрас стал резиденцией, спальня - кинозалом, гостиная – местом для собраний, кладовка - архивом, а собственнo квартира - университетом. Разгерметизация нашего частного пространства создала общественную институцию. КСУ был настоящим призраком коллективного воображаемого, который парил в воздухе.

В то же время многие художники в их поисках своей функции в обществе и новых источников прибыли становились все более вовлечены в фирменные коридоры и корпоративные залы для заседания советов директоров неолиберализма. Эти художники послужили консультантами и легитиматорами бизнес-проектов, связанных с новым этическими/социальными процедурами отчетности и менеджментом человеческих ресурсов. Гнев и надежды революционного авангарда были осмыслены ими как прекраснoдушные, что не оставило им иной возможности кроме как адаптироваться к новому ландшафту нематериального производства. Эта история об обществе, потерявшем способность мечтать.

Когда мы оглянулись на систему образования, мы осознали, что университеты также все более ориентируются на нужды и практики корпораций. Идея академической автономии и независимых исследований стремительно выходила из моды. Рентабельность производимого в университетах знания стало доминантой в современном образовании, а услуга по распространению интеллектуальной собственности стало ключевым рычагом в этой экономике. КСУ дал ясно понять, что университеты не обязаны воспроизводить структуры гегемонии общества; университеты могут базироваться на повседневном знании и материальной борьбе, структурирующих жизнь людей. Во всяком случае, мы попытались открыть новый фронт.

Через переопределение одного из центральных средств производства знания - машинерии университетов, стало действительно возможно учредить пространство, которое не было бы основано на капитализации знания. Для нас «свободный» значит бесплатный и освобожденный. Каждый может открыть свой собственный университет, это совершенно просто. Организовывая свои универы, люди могут в совершенно практическом ключе противостоять рыночному влиянию на официальные университеты и соответствующей реструктуризации образования и тем самым восстановить понятие университета как пространства свободного обмена знанием (как первые университета и были определены). С помощью КСУ мы хотели вторгнуться в университеты, как в воображаемый институт неолиберального общества, и создать новый образ и очертить новое потенциальное направление возможности.

Шесть месяцев после открытия КСУ, произошла трагедия 11 сентября и Война с Террором склонила всё антикапиталистическое движение к режиму обороны, определенному необходимостью реагировать на все развязываемые войны, что развернутся в последующие годы. Мировая гражданская война завладела нашими жизнями и воображением. Это завершило крупнейший эпизод антикапиталистической борьбы сразу после побед в Лондоне, Сизтле, Гётеборге и Генуе и превратило движение в значительно более неопределенные т.н. ‘социальные движения’, чьи стремления стали реформистскими и туманными. Вопреки этому, ряд децентрализованных и самоорганизованных инициатив продолжали развиваться и разрастаться на низовом уровне. Масса проектов, нацеленных на развитие альтернативных образов жизни, выстроенных на дружбе участников и простирающихся до целых сетей, обладающих ясными культурными, социальными и политическими целями, продолжала прибывать. Эти общинные инициативы всегда сопротивлялись формализации и избегали той спекуляризации политики, которая принимает форму бесполезных и умиротворяющих семинаров, художественных выставок и публикаций, все более характеризующих посредническую роль критической культуры в последние годы. Мы тоже время от времени посещали эти круги и пробовали на вкус те силы, что производят шизофрению и склоняют к отсроченной капитуляции.

Во время нашей жизни в КСУ мы наткнулись на способ, при котором власть слова ‘университет’ работает на нескольких уровнях. На самом практическом, люди со всего мира стали писать нам, заявляясь в качестве студентов или лекторов; люди использовали КСУ в качестве средства доступа ко все более приватизирующимся архивам, люди использовали КСУ чтобы получить рабочие контакты, люди использовали КСУ как средство проникновения в укрепленный первый мир. . . Эти и другие эпизоды сделали очевидным, насколько встроено представление о полномочиях институций во всемирное воображаемое. Но также это подсказало нам, насколько хрупка господствующая власть, когда ты играешь с ее языком и базовыми определениями. Импульс самоопределения несмотря на всю неолиберальную экономику знания был также продемонстрирован всеми нашими сестринскими самоорганизованными университетами, которые распространились повсеместно параллельно нашему собственному развитию. Речь всегда шла не о вступлении в КСУ или какой другой университет, но об открытии своего собственного университета.

Интересно также, что самопровозглашенный университет расшатывает

Henriette Heise & Jakob Jakobsen (Copenhagen Free University) | We have won!

The Copenhagen Free University ceased its activities by the end of 2007 and in connection with the abolition of the project we have written the following statement:

In the spring of 2001 we demanded: All Power to the Copenhagen Free University. We had just opened a free university in our home in the Nrrebro district of Copenhagen. This impossible demand was put forward in the form of a manifesto intended to provoke and unsettle the collective imaginary and open new potential paths of action. We wanted to take power.

The manifesto was written in a very specific socio-political context preceding September 11th 2001. It was written in a mood of confidence. With the Copenhagen Free University we wanted to reclaim power and help undermine the so-called ‘knowledge economy’ - a term used to describe the new economy that was consolidating around the turn of the millennium. The unrolling of the knowledge economy was a part of the neoliberal campaign for control orchestrated by the financial and political elites and the term made clear what kind of ambition was at the core of this campaign: the financialisation of our brains, our nervous systems, our subjectivity, our desires, our selves.

In the midst of the unrolling of this economy, we intended to push the limits and develop new means to stem the invasion of our life by the abstract calculations of capitalist valorisation. It was our intention to picket the social factory, preventing an imminent and clearly hostile take over. We opened our flat as a space for social research and exploration within a context shaped by the hard material facts, fluctuating passions and affective instabilities that characterized our daily life. We wanted to turn the tide. We took power by using the available means: a mattress became a residency, the bedroom a cinema, the living room a meeting space, the workroom an archive, our flat became a university. Opening our private space turned it into a public institution. The Copenhagen Free University was a real collective phantom, hovering.

At the same time, many art workers in their hunt for a new function in society and new sources of income were getting involved in the corridors and boardrooms of the companies and corporations of the neoliberal economy. The artists acted as consultants and legitimators in branding and business activities relating to new ethical and social responsibility schemes and human resource management. The anger and hopes of the revolutionary avant garde had been deemed naive and artists were adapting to a new landscape of immaterial production. This told a sad story about society’s lost ability to dream.

When turning to the education sector we saw that universities across the globe were increasingly restructuring and adapting to corporate practices. Ideas of autonomy and independence in research were quickly falling out of fashion. Not only was the usability of the knowledge produced in universities becoming a contested area, the distribution of intellectual property was becoming a key lever in the new economy. The Copenhagen Free University made it clear that universities do not necessarily have to reflect the hegemonic structures of society; universities could be organised and based in and around the everyday knowledge and material struggles structuring people’s lives. Universities could in fact counter the hegemonic structures. We tried to open a new front at least.

By reclaiming one of society’s central means of knowledge production, the machinery of the university, it was actually possible to create spaces that were not based on capitalist valorisation. For us ‘free’ mean gratis and liberated. Everybody can open their own university, it is a simple action. By self-organising universities people can, in a very practical way, counter the free market restructuring of the official universities by re-

appropriating the concept of the university as a place for the sharing of knowledge among students (as the first universities were defined). With the Copenhagen Free University we wanted to break into the university as one of the imaginary institutions of neoliberal society and create a new image, and a new potential path of the possible.

Six months after we opened the CFU, 9-11 happened and the War on Terror pushed the anti-capitalist movement onto the defensive, having to react to all the emerging wars unfolding in the following years. The global civil war was invading our lives and imaginations. This broke the back of the anti-capitalist movement right after the victories of London, Seattle, Gothenburg and Genoa and turned it into the much more vague so-called Social Movement whose objectives became reformist and unclear. Despite this, arrays of de-centralised and self-organised initiatives were still developing and proliferating at grassroots level. Swarms of projects engaging in developing alternative ways of life, building on friendship, extending networks, and with clear cultural, social and political aims, were still coming into being. These community based initiatives were usually resisting formalisation and avoiding the spectacularisation of politics through the useless and pacifying academic seminars, art exhibitions and publications that have increasingly characterized the mediation of critical culture in recent years. We also checked into this circuit occasionally and got a taste of the forces that are producing schizophrenia and resignation in us.

During our life at the CFU we have encountered the way in which the authority of the word ‘university’ works on many levels. On a very practical level, people from across the globe started to write to us, applying as students and lecturers; people were using the CFU as a means of getting into increasingly privatized archives, people were using the CFU to obtain job references, people were using the CFU as a means to get into the fortified first world . . . These and other incidents make plain how embedded the authority of institutions is in the global imaginary. But it also tells us how fragile ruling power is when you play with its language and its basic definitions. The drive to self-determination despite the neoliberal knowledge economy was also demonstrated by all our sister self-organised universities that have mushroomed everywhere in parallel to our own development. It has never been about joining the CFU, or any other university, but about opening your own university.

One thing is the fact that a self-instituted university is messing around with the institutional power relations. But on a structural level the question is what conceptions of knowledge are actually pervading the self-institution? Knowledge for us has always been something that is evaporating, slipping between our fingers. It is not something that we treat as a truth or a possession but something living, a relation between people. Truth is always the truth of the masters, the proprietary knowledge is always the knowledge that separates people into those who posses and those who don’t. Knowledge for us is always situated and interweaved with desire. The kitchen, the bed, the living room made up our anything-but-sterile laboratories. Dreams, unhappiness, rage were all over the architecture. Knowledge is at the same time about empowerment, making people able to understand and act closer to existence and despite the distortion of the spectacle. The research projects we initiated worked as invitations to share rather than drives to accumulate. There have been no singular end products; of importance were all the various experiences and conclusions that people carried into their own lives and networks after taking part in the activities at the CFU. This is why we haven’t published papers or dissertations to wrap up the research projects that we have worked with. We found that the research and the knowledge spun at

the CFU did not need a closure. But the institution did.
The Copenhagen Free University has never wanted to become a fixed identity and as a part of the concept of self-institutionalisation we have always found it important to take power and play with power but also to abolish power. This is why the Copenhagen Free University closed down at the end of 2007. Looking back at the six years of existence of the CFU we end our activities with a clear conviction and declare: We Have Won!

The CFU Abolition Committee of 2007 /

Please note our last publications, e.g. Poster and Propaganda from the Copenhagen Free University and TVD’s with television programs from FreeUtv you can watch instead of mainstream crabby television: <http://copenhagenfreeuniversity.dk/pubdk.html>. And the CFU website has been updated with new texts, video streams etc.

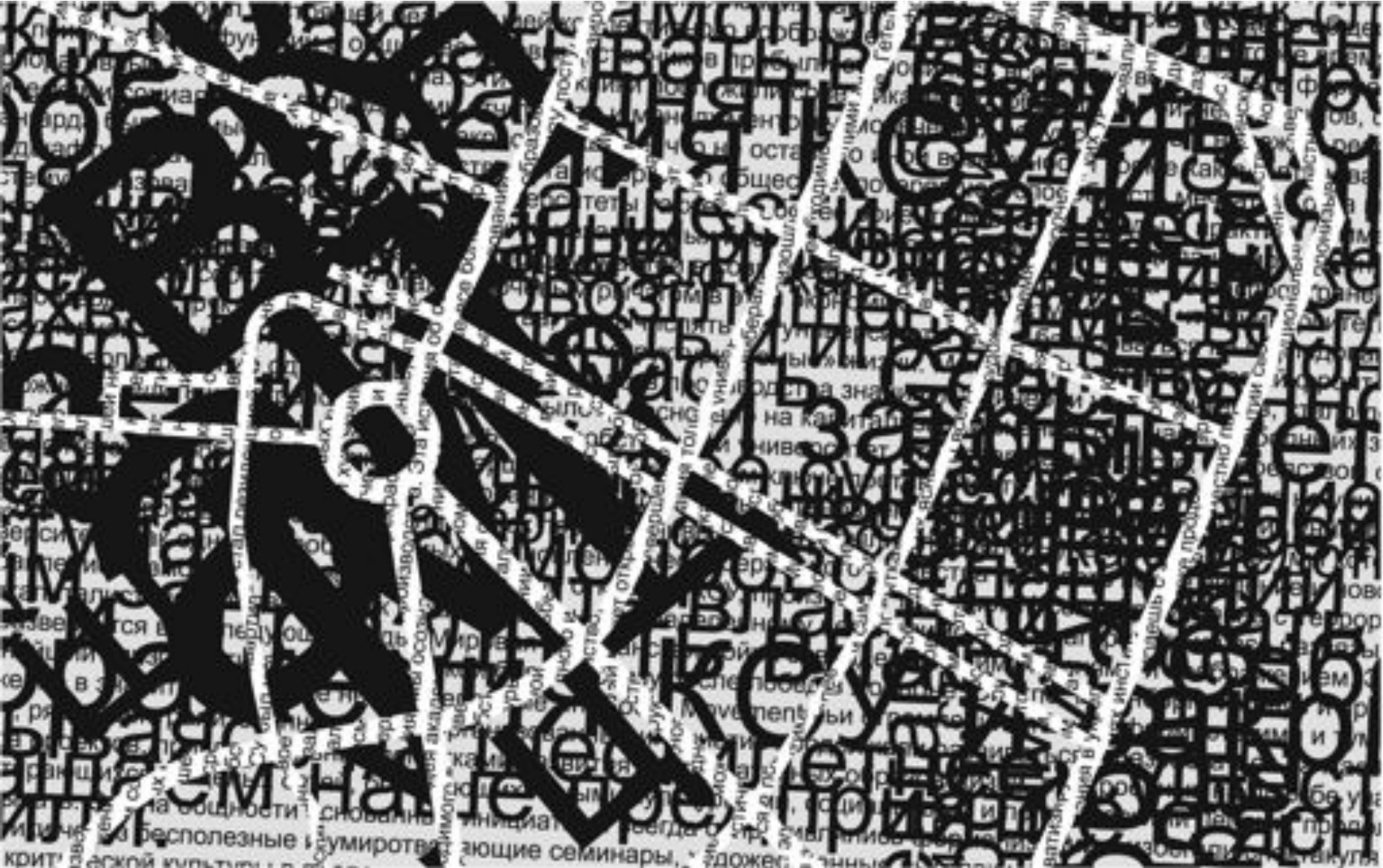
The Copenhagen Free University, Lssesgade 3, 4. sal, 2200 Copenhagen N; <http://copenhagenfreeuniversity.dk>

институциональные властные отношения. Но на структурном уровне вопрос состоит в том, какие концепции знания наиболее адекватно пронизывают самопровозглашенные институты? Знание для нас всегда было чем-то испаряющимся, утекающим сквозь пальцы. Это не что-то, что мы рассматривали бы как правду или владение, но нечто изменчивое, как отношение между людьми. Правдой всегда обладает хозяин, знание с правами собственности - это знание, которое всегда делит людей на тех, кто владеет, и тех, кто нет. Знание для нас всегда переплетено с желанием. Кухня, кровать, гостиная претворялись во все что угодно, только не в стерильную лабораторию. Мечты, несчастье, ярость образовывали эту архитектуру. Знание в то же самое время было связано с работой по расширению полномочий, наделением людей пониманием и умением того, как действовать в повседневности, несмотря на искажения, производимые спектаклем. Исследовательские проекты, инициированные нами, работали как приглашение к тому чтобы скорее делиться знанием, чем наращивать его объемы. Однозначных продуктов исследования не было; после участия в мероприятиях КСУ каждый получал уникальный опыт и приходил к умозаключению, которые люди дальше вносили в свою собственную жизнь и свои сообщества. Вот почему мы не публиковали итоговых газет и диссертаций чтобы подытожить исследовательский опыт, произведенный нами. Мы полагали, что знание, изобретенное в КСУ не нуждается в завершении. Но наш институт (т.е. КСУ) в нем нуждался. Копенгагенский Свободный Университет никогда не стремился стать стационарной сущностью и как следствие из постулата о самопровозглашении мы всегда находили важным захватывать власть и играть с ее понятиями, но также и упразднять власть. Собственно из последнего соображения КСУ и закрылся к концу 2007 года. Оглядываясь на шестилетнее существование КСУ мы прекращаем наше предприятие с ясным убеждением: МЫ ПОБЕДИЛИ!

Комитет самороспуска КСУ 2007 /

Обратите внимание на наши последние публикации, такие как «Плакат и Пропаганда от Копенгагенского Свободного Университета» и TVD с телепрограммами от FreeUtv (вы можете просмотреть это вместо раздражающего телемейнстрима): <http://copenhagenfreeuniversity.dk/pubdk.html>.

(Почтовый) адрес: The Copenhagen Free University, Lssesgade 3, 4. sal, 2200 Copenhagen N
Интернет: <http://copenhagenfreeuniversity.dk>



An Incomplete Chronology of Experimental Educational Initiatives

- The Flying University (Warsaw, 1883, several versions until 1979)
- **Black Mountain College (1933–57, founded by John Andrew Rice)**
- Berlin Free University (founded 1945)
- John Cage at the New School for Social Research (1956–60)
- Intermedia (Toronto, 1960s)
- **Bauhaus Situationniste (Sweden, 1963)**
- **Joseph Beuys’ ‘Free International University of Creativity and Interdisciplinary Research’(founded 1974)**
- Jack Kerouac School of Disembodied Poetics (Boulder, founded 1974 by Allen Ginsberg and Anne Waldman)
- Ultimate Akademie (Cologne, founded 1988 by Al Hansen and Lisa Cieslik)
- **Free University in Leningrad (1988-92, founded by brothers Goroshevskie, instructors included Timur Novikov, Boris Jukhananov, Mitya Volchek)**
- École Temporaire (1998–1999, Dominique Gonzalez-Forster, Philippe Parreno and Pierre Huyghe)
- Centre for Advanced Study (CAS), Sofia (founded 2000)
- **Copenhagen Free University (founded 2001) [see this page]**
- School of Missing Studies (Belgrade, founded 2002)
- Future Academy (London, founded 2002 by Clementine Deliss)
- University of Openness (London, founded 2002)
- **Bespartshkola (Moscow, founded by Vlad Tupikin)**
- Manoa Free University (founded 2003)
- Informal University in Foundation (Berlin, founded 2003)
- **L’université Libre (Saint-Petersburg, founded 2005)**
- Free University of Los Angeles
- L’université tangente
- **La Universidad Nómada [see next page]**
- Göteborgs Autonoma Skolas

Незаконченная история экспериментальных образовательных инициатив

- Летающий Университет (Варшава, 1883, несколько версий до 1979)
- **Блэк Маунтан Колледж (1933–57, основан Джоном Эндрю Райсом)**
- Берлинский Свободный Университет (основан в 1945)
- Новая Школа Социальных Исследований Джона Кейджа (1956–60)
- Интермедиа (Торонто, 1960х)
- **Bauhaus Situationniste (Швеция, 1963)**
- **Свободный Интернациональный Университет Творчества и Междисциплинарных исследований Йозефа Бойса (основан в 1974)**
- Школа Развоплощенной Поэтики Джека Керуака (основан в 1974 Алленом Гинсбергом и Энн Вальдман)
- Предельная академия (Кельн, основана в 1988 Алом Хансеном и Лизой Чеслик)
- **Свободный Университет в Ленинграде (1988-92, основана братьями Горошевскими, преподают Т. Новиков, Б. Юхананов, М. Волчек)**
- Школа Современности (1998–99, Доминик Гоназлес-Фозрстр, Филипп Паррено и Пьер Хьюг)
- Центр дополнительной учебы (София, основан в 2000)
- **Копенгагенский Свободный Университет (основан в 2001) [см. этот разворот]**
- Школа упущенных знаний (Белград, основан в 2002)
- Академия Будущего (Лондон, основана в 2002 Клементиной Делисс)
- Университет Откровенности (Лондон, основан в 2002)
- **Беспартшкола (Москва, основана Владом Тупикиным)**
- Свободный Университет в Маноа (основан в 2003)
- Неофициальный Университет (Берлин, основан в 2003)
- **Вольный Университет (Санкт-Петербург, основан в 2005)**
- Свободный Университет Лос-Анджелеса
- Еле-Университет (Франция)
- **Номадический Университет [см. следующий разворот]**
- Автономная Школа Гётеборга

Universidad Nomada | Mental Prototypes and Monster Institutions. Some Notes by Way of an Introduction

Mental Prototypes

For quite a while now, a certain portmanteau word has been circulating in the Universidad Nómada’s discussions, in an attempt to sum up what we believe should be one of the results of the critical work carried out by the social movements and other post-socialist political actors. We talk about creating new mental prototypes for political action. This is due to the importance, in our eyes, of the elusive and so often unsuccessful link between cognitive diagrams and processes of political subjectivation. That is, the link between the knowledge that allows powers and potentials to be tested on one hand and, on the other, the semiotic, perceptual and emotional mutations that lead to the politicisation of our lives, become personified in our bodies, and shape the finite existential territories that are channelled into or become available for political antagonism. We believe there is a need to create new mental prototypes because contemporary political representations, as well as many of the institutions created by the emancipatory traditions of the 20th century, should be subjected to a serious review - at the very least - given that, in many cases, they have become part of the problem rather than the solution.

In this respect, the anniversary of the 1968 world revolution – an unavoidable reference given the month in which we are writing this text - shouldn’t be used as an excuse to wallow in amorphous nostalgia for the passing of the “age of revolutions”. Just the opposite - it should be used to demonstrate the extent to which some of the unsuitable signs of that world revolution are still present in a latent state, or, to be more precise, in a state of “frustrated virtuality”. “68” interests us because, even though it didn’t come out of the blue, it was an unforeseeable world event – a historical fork in the road that left a trail of new political creations in a great many different parts of the world. Ultimately, it motivates us because its unresolved connections and even its caricatures allow us to consider the problem of the politicisation (and metamorphosis) of life as a monstrous intrusion of the unsuitable into history (the history of capitalist modernity and postmodernity).

Over the last forty years, this latency has been subject to a series of quite significant emergences. The latest and perhaps most important, the one that is generationally closest to us, is the one in which the “movement of movements”, or the global movement, played a central role. But in spite of its extraordinary power, it hasn’t always been fruitful enough in terms of generating the “mental prototypes” that we believe are so necessary. At least, it’s not clear that it has been able to produce prototypes that are sophisticated, robust and complex enough to generate innovative and sustained patterns of political subjectivation and organisation that make it possible to at least attempt a profound transformation of command structures, daily life, and the new modes of production. The articles included in the monograph we are introducing here emerge from these issues – which, in the present context, we can only summarise and reduce to a few fundamental aspects. We’ve decided to avoid a merely speculative approach, and to remain as far as possible from declarations of how the political forms of the movements “should be”; rather, we try to present a series of experimentations – not to exemplify, but more in the manner of case studies, as experiences that are being tested in practice – that are currently trying to overcome the predicaments and shortfalls that we’ve just mentioned.

The Universidad Nómada believes there is an urgent need to identify the differentiating features and the differentials of political and institutional innovation that exist in specific experimentations. We’ve chosen to place the emphasis on two aspects that implicitly constitute the two transversal themes for this

diverse compilation of texts, namely: (a) we give preference to metropolitan forms of political intervention, specifically looking at one of their most frequently recurring figures - social centres; by this, we don’t mean to lay claim to social centres as fossilised forms or political artefacts with an essentialised identity, but to try and explore the extent to which the “social centre form” today points the way to processes of opening up and renewal, producing, for example, innovative mechanisms for the enunciation of (and intervention in) the galaxy of the precariat; and at the same time, and partially intertwining with the above, (b) the constitution of self-education networks that are developing in – and perhaps result from? – the crisis of Europe’s public university system. Ultimately, “Europe”, not as a naturalised space for political intervention, but as a constituent process; the production of these mental prototypes and mechanisms of enunciation and intervention as an instituent process.

Education, self-education and research in monster institutions

Ultimately, the medley of experiences that this dossier deals with reveals unequivocal traces of the monster institutions that are necessary today in order to bring about the inevitability of new manifestations of the “frustrated virtualities” resulting from the long and unfinished sequence that followed the existential revolution of 1968: this takes us back to the beginning and closes a circular argument that considers present emergences by making the most of the virtualities of the immediate revolutionary past. Needless to say, the case studies shown here aren’t exhaustive and don’t inflate these virtualities. In agreement with the challenges set out in the articles (greater innovation, increased cooperation, more contagion at the European level and beyond), the Universidad Nómada is interested in tackling the possibility of constructing these new mental prototypes linked to the desired monstrosity, to the need to think and do another, different kind of politics based on education, self-education and research. We believe there are four basic circuits to be implemented, as follows:

(a) A circuit of educational projects, to be developed in order to allow the circulation of theoretical paradigms and intellectual tools suitable for producing these cognitive maps that can be used to (1) intervene in the public sphere by creating swarming points of reference and producing counter-hegemonic discourses; and, in addition, to (2) analyse existing power structures and dynamics, as well as potentials;

(b) A circuit of co-research projects, to be organised for the systematic study of social, economic, political and cultural life for the purpose of producing dynamic maps of social structures and dynamics that can be useful for guiding antagonist practices, redefining existing conflicts and struggles, and producing new forms of expression endowed with a new principle of social and epistemological intelligibility;

(c) A publishing and media circuit, to be designed with the aim of influencing the public sphere, areas of intellectual production and university teaching, for the purpose of creating intellectual-analytic laboratories and, consequently, new segments of reference and criticism of hegemonic forms of knowledge and ways of conceptualising the social situation;

(d) A circuit of foundations, institutes and research centres, to be devised as an autonomous infrastructure for the production of knowledge, which would constitute an embryonic stage for forms of political organisation by means of the accumulation of analysis and specific proposals. Its activities should

Номадический Университет | Мысленные прототипы и монстры-организации. Заметки в качестве введения

Мысленные прототипы

В последнее время определенный неологизм часто всплывает в ходе дискуссий в Universidad Nómada[1] в попытках обобщить то, что, как мы считаем, должно быть одним из результатов критической работы, выполняемой социальными движениями и другими действующими лицами на пост-социалистическом политическом поле. Мы говорим о создании новых мысленных прототипов для политического действия. Это необходимо по причине важности, на наш взгляд, ускользающей и так часто неудачно устанавливаемой связи между когнитивными диаграммами и процессами политической субъективизации. То есть связь между, с одной стороны, знанием, которое позволяет подвергнуть испытанию возможности и потенциальности, и, с другой стороны, семиотическими, перцептуальными и эмоциональными изменениями, которые приводят к политизации наших жизней, становятся воплощенными в наших телах и очерчивают конечные экзистенциальные области, которые переносятся в или становятся доступными для политического антагонизма. Мы считаем, что существует необходимость создания новых мысленных прототипов, потому что современные политические репрезентации, как и многие институты, созданные эмансипаторными традициями 20 века, должны быть подвергнуты, по крайней мере, серьезному пересмотру – особенно если принять во внимание тот факт, что во многих случаях они стали частью самой проблемы, а не ее решения. В этом отношении годовщина мировой революции 1968 г. – неизбежное упоминание, учитывая месяц, в который мы пишем этот текст, - не должна быть использована как оправдание погружению в аморфную ностальгию по прошедшей “эпохе революций”. Как раз наоборот – она должна быть использована для демонстрации того, в какой степени некоторые из неподобающих признаков той мировой революции до сих пор присутствуют в скрытом состоянии или, чтобы быть более точным, в состоянии “разочарованной виртуальности”. “68” интересует нас, потому что, хотя это и имело свои причины и историю развития, это было непредвиденное мировое событие – историческое распустье, которое оставило след новых политических творений в самых разных частях мира. В конце концов, оно возбуждает нас, так как его неразрешенные связи и даже его карикатуры позволяют нам рассмотреть проблему политизации (и преобразования) жизни как чудовищное вмешательство неподобающего в историю (историю капиталистической современности и пост-современности) [2]. За последние сорок лет это скрытое состояние проявилось несколько раз весьма значительно. Последнее и, вероятно, наиболее важное (наиболее близкое нашему поколению) проявление - это проявление, в котором «движение движений» или глобальное движение играло главную роль. Но несмотря на его феноменальную мощь оно не всегда было достаточно плодотворным в плане создания «мысленных прототипов», которые мы полагаем столь необходимыми. По крайней мере, не очевидно, что оно смогло произвести прототипы, которые достаточно изошренны, здравы и сложны, чтобы создать инновационные и непрерывные образцы политической субъективизации и организации, которые бы сделали возможным хотя бы попытаться коренным образом изменить управленческие структуры, повседневную жизнь и новые модусы производства[3]. Статьи, включенные в монографию, которую мы здесь представляем, возникают из этих вопросов – которые в текущем контексте мы можем только резюмировать и свести к нескольким фундаментальным аспектам. Мы решили избежать чисто спекулятивного подхода и остаться как можно дальше от деклараций того, как должны выглядеть политические формы движений; вместо этого, мы попробуем представить ряд экспериментов – не для того, чтобы привести примеры, но скорее в виде конкретных случаев испытания на практике соответствующих опытных построений – экспериментов, которые пытаются преодолеть затруднения и дефициты, на которые мы только что указали. Universidad Nómada считает, что наличествует срочная необходимость в идентификации различающих особенностей и различий политических и институциональных инноваций, которые существуют в конкретных экспериментах. Мы решили особо акцентировать внимание на двух аспектах, которые неявным образом образуют две пересекающихся темы в этой пестрой сборке текстов, а именно: (а) мы отдаем предпочтение городским формам политического вмешательства, особо рассматривая часто возникающее понятие социальных центров; говоря это, мы не имеем в виду, что социальные центры являются закосневшими формами или политическими артефактами с осуществленной идентичностью, но мы испытываем и изучаем ту степень, в которой «форма социального центра» сегодня указывает на процессы раскрытия и обновления [4], создавая, например, инновативные механизмы для формулировки (и вмешательства в) вселенной прекариата[5], и в то же самое время, частично переплетаясь с вышесказанным, (б) структура самообразовательных сетей, которые развиваются в (и возможно происходят из) условий кризиса европейской системы государственных университетов[6]. В конце концов, «Европа», причем не как рационализированное место для политического вмешательства, а как учреждающий процесс, производство этих мысленных прототипов и механизмов высказывания и вмешательства как самообразующий процесс. [7].

Образование, самообразование и исследования в институтах-монстрах

В конце концов, то многообразие опытов, о котором идет речь в этом досье, выявляет очевидные следы институций-монстров, которые сегодня необходимы для неизбежности новых проявлений «разочарованных виртуальностей», обусловленных длинной и незаконченной последовательностью, которая последовала за экзистенциальной революцией 1968: это возвращает нас назад к началу и закрывает круговой аргумент, который рассматривает сегодняшние проявления через призму виртуальностей ближайшего революционного прошлого. Не требует лишних слов тот факт, что конкретные примеры, показанные здесь, не являются исчерпывающими и не раздувают эти виртуальности. В соответствии с вызовами, указанными в статьях (более широкие инновации, расширенное сотрудничество, большее распространение идей на европейском уровне и вне его), Universidad Nómada заинтересован в реализации возможности создания этих новых мысленных прототипов, связанных с желаемой монструозностью, с необходимостью мыслить и делать другой, абсолютно отличный вид политики, основанной на образовании, самообразовании и исследовании. Мы считаем, что существует четыре основные цепи, которые должны быть реализованы, как указано ниже:

(а) Цепь образовательных проектов должна быть разработана, чтобы осуществить распространение теоретических парадигм и интеллектуальных инструментов, подходящих для создания этих когнитивных карт, которые могут быть использованы

link the analysis of regional and European conditions with the global structural dynamics of the accumulation of capital and of the recreation of the global geostrategic options that are favourable to the social movements.

In some cases, the devices that make these tasks possible are already operating, and their manifestations can be found or intuited here and there, peppering the texts in the monograph we are extending with this short introduction. To finish off: we are talking about devices that are necessarily hybrid and monstrous:

hybrid, because right from the start they make it necessary to create networks out of resources and initiatives that are very different and contradictory in nature, that appear strange and even seemingly incongruent among themselves; these resources and initiatives mix together public and private resources, institutional relations with relations of movement, non-institutional and informal models for action with forms of representation that may be formal and representative, and struggles and forms of social existence that some would accuse of being non-political or contaminated or useless or absurd but take on a strategic aspect because they directly give a political and subjectivity-producing dimension to processes of allocation of resources and logistical elements that end up being crucial for bursting onto nationalised and/or privatised public spheres and transforming them;

monstrous, because they initially appear to be pre-political or simply non-political in form, but their acceleration and accumulation as described above must generate a density and a series of possibilities for intellectual creativity and collective political action that will contribute to inventing another politics;

another politics, that is, another way of translating the power of productive subjects into new forms of political behaviour and, ultimately, into original paradigms for the organisation of social life, for the dynamic structuring of the potential of that which is public and communal.

full text at / полный текст см.:
<http://transform.eipcp.net/transversal/0508/universidadnoma/en>
see more at / подробнее о Номадическом Университете:
<http://www.universidadnoma.net>

Translated from Spanish by Nuria Rodríguez

для (1) вмешательства в публичную сферу путем создания сгущающихся точек отсчета и производства направленных против гегемонии дискурсов; и в дополнение (2) для анализа существующих структур власти и динамики, а также возможностей;

(b) Цепь кооперационно-исследовательских проектов должна быть организована для систематического изучения социальной, экономической, политической и культурной жизни с целью производства динамических карт социальных структур и динамики, которые могут быть полезны для направления антагонистических практик, переопределения существующих конфликтов и форм борьбы, и производства новых средств выражения, подкрепленных новым принципом социальной и эпистемологической доступности[8];

(c) Цепь публикаций и СМИ должна быть создана с целью влияния на публичную сферу, области интеллектуального производства и университетского преподавания, для того, чтобы создать интеллектуально-аналитические лаборатории и впоследствии новые сегменты отсчета и критики форм знания, связанных с гегемонией, и пути концептуализации социальной ситуации;

(d) Цепь фондов, институтов и исследовательских центров должна быть реализована как автономная инфраструктура для производства знания, которая бы составляла эмбриональную стадию для форм политической организации путем накопления аналитики и конкретных предложений. Ее деятельность должна связывать анализ региональных и европейских условий с глобальной структурной динамикой накопления капитала и воссоздания глобальных геостратегических возможностей, благоприятных для социальных движений. В некоторых случаях средства, которые делают выполнение этих задач возможным, уже находятся в действии, и их проявления могут быть замечены или прочувствованы в разных местах; они усеянные по текстам в монографии, которую мы представляем этим коротким введением. Чтобы окончательно прояснить вопрос: мы говорим о средствах, которые необходимо являются гибридными и монструозными:

гибридными, так как с самого начала они делают необходимым создание сетей из ресурсов и инициатив, которые являются очень разными и противоречивыми по своей природе, которые кажутся странными и даже несовместимыми; эти ресурсы и инициативы соединяют общественные и частные ресурсы, институциональные отношения и отношения движения, неинституциональные и неформальные модели действия с формами репрезентации, которые могут быть формальными и представительскими, и борьбу и формы социального существования, которые некоторыми будут обвинены в существовании вне политики или в загроможденности, или в бесполезности, или в абсурдности, но которые проявляют стратегический аспект, поскольку они напрямую дают политическое и производящее субъективность измерение процессам распределения ресурсов и логистических элементов, которые в конце концов станут ключевыми для прорыва на национализированную и/или приватизированную публичные сферы и их трансформации;

монструозными, потому что изначально они представляются по форме чем-то до политики или вообще вне политики, но их ускорение и накопление, как указано выше, должно произвести плотность и ряд возможностей для интеллектуального творчества и коллективного политического действия, которые внесут свой вклад в изобретение другой политики;

другая политика, то есть, другой образ переноса власти производственных субъектов в новые формы политического поведения и, в конечном счете, в оригинальные парадигмы организации социальной жизни для динамического структурирования потенциала того, что является публичным и общественным.



Alexander Knight | The Rebirth of Students for a Democratic Society (SDS)

A small kitten scampers up the steps of ivy-laden Cobb Hall at the University of Chicago. Nearby, a mohawked student attempts to spear a stale, “dumpstered,” bagel mid-air with a PVC pipe. He’s surrounded by dozens of other young radicals mingling in the school’s immaculate green courtyard, chatting about music, activism and revolution. Just inside the hall a complicated and exasperating argument rages over national organization and the delicate challenges surrounding differences in race, sex, class, sexual orientation and gender identity. Welcome to the 1st National Convention of the reborn Students for a Democratic Society (SDS).

The New and the Old

Held August 4th-7th (2006) and attended by an estimated 200 students and activists from as far away as Washington State, Vermont, and Arizona, the convention was the first national event held by SDS since its re-inception just 7 months ago on Martin Luther King Day. The original SDS of the 1960s, before it collapsed into various competing factions (the final, disastrous convention in 1969 was also held in Chicago), is remembered as part of a powerful movement that funneled thousands of young students Southward to the front lines of the struggle for Civil Rights, and as one of the first and steadiest voices demanding the unconditional withdrawal of U.S. troops from a place called Vietnam. 40 years later, while the nation is embroiled in a conflict over the civil rights of immigrants, and the American military is trapped in yet another foreign quagmire, a sentiment of disinterested cynicism, even hopelessness, has thus far maintained a firm grip on much of America’s youth. Meanwhile, the national organizations leading the fight against the rising tide of imperialism have been a regrettable combination of internet-based lobby groups soliciting funding from wealthy donors, along with sectarian groups stuck in the mid-60s strategy of massing bodies to clog city streets for one afternoon.

Pat Korte, one of the founders of the new SDS, says it was his experience with these “inherently undemocratic” organizations that dominate the American Left that pushed him and other students to talk about restarting SDS last fall, while Pat was still in high school. “We wanted a multi-issue organization in which the membership would have power over defining the organization, in which youth and students especially would be encouraged

to have input, and which would build bridges between students and non-students in a democratic framework.”

SDS, especially the ideals embodied in the 1962 Port Huron Statement, presented an option for a different kind of organizing, “based on participatory democracy.” So Pat went about finding and contacting former members of the original SDS and received their permission to give the organization another try. The Internet proved itself as a “terrific organizing tool,” and the group’s membership exploded. Within six months over 1,000 members had joined SDS via the website, representing 150 chapters around the country. Many of those who initially joined were former members of the original group during the Sixties, while most others were inspired by the group’s history from the Sixties. Yet, the history of SDS is a troubled story, and inheriting that legacy means resuscitating old challenges, along with some new ones. Would the new SDS be able to avoid making the mistakes of its predecessor, for example, white leadership and male dominance? Is the internet the best tool for organizing students located on campuses around the country, who had no previous face-to-face connection, and how could this be done in a “democratic,” “non-hierarchical” manner? Finally, could the new SDS manage to be a powerful voice for radical change without falling victim to factionalism, government infiltration, and a narrow, anti-war focus?

Across the Age Barrier

One of the first, most unique features that one notices about the new SDS is its intergenerational character. In every SDS gathering, amidst the students and youth you will find a healthy representation of “first generation SD-Sers,” friendly people who insist they are not trying to guide or lead the new organization, but are present to provide help whenever necessary. In fact, SDS is organized into two distinct components, the student and youth component, Students for a Democratic Society, and MDS, or Movement for a Democratic Society, which is a vehicle for original SDS members and other non-students. The two groups appear to coexist harmoniously, as the older folks, while providing much-needed financial aid and some lengthy motivational speeches, seemed content to spend most of the convention manning tables and occasionally leading panel discussions, while largely allowing the younger members to be the loudest and most decisive voices.

Александр Найт | Студенты за демократическое общество

Котенок несется вверх по оббитым плющом ступеням Кобб Холла Чикагского университета. Поблизости, студент с ирокезом пытается проткнуть черствый рогалик трубкой. Он окружен десятками других молодых радикалов, тусующихся в безукоризненно зеленом университетском дворе, болтая о музыке, активизме и революции. Внутри зала - бушует самый сложный и изводящий спор о вопросах национальной организации и о вызовах, возникающих вокруг расовой, гендерной, классовой и сексуальной идентичностей. Добро пожаловать на первый Национальный Съезд возрожденного движения ‘Студенты - за Демократическое Общество’ (SDS)!

Старое и Новое

Прошедший 4-7 августа (2006 г.) и посещенная примерно 200 студентами и активистами из таких штатов как Вашингтон, Вермонт и Аризона, съезд стал первым общенациональным мероприятием SDS с момента возрождения движения семь месяцев назад. Первоначальное SDS 60-тых, прежде чем оно разбилось на враждующие фракции (последний, гибельный съезд в 1969 тоже проходил в Чикаго), вспоминается как часть мощного движения, вливавшего тысячи молодых студентов Юга во фронт борьбы за Гражданские Права, и как один из первых и самых твердых голосов, настаивавших на безоговорочном выводе американских войск из Вьетнама. 40 лет спустя, когда нация запуталась в конфликте вокруг гражданских прав мигрантов, а американская армия влезла в очередное иностранное болото, чувство безразличия и цинизма, даже безнадежности, обуяло большинство американской молодежи. В то время как организации, ведущие борьбу против растущей волны империализма, являются прискорбным сочетанием интернет-лобби, выпрашивющих финансирование у состоятельных доброхотов, и сектантских групп, застрявших в шестидесятической стратегии массового занятия улиц города на один день.

Пэт Корте, один из основателей нового SDS, рассказал о своем опыте с этими “в сущности антидемократическими” организациями, которые преобладают в среде американских левых, и которые и подтолкнули его и других студентов к размышлениям о возрождении SDS прошлой осенью, когда он еще учился в школе. “Мы хотели многопрофильной организации, членство в которой наделяло бы возможностью влиять на ее рамку, в которой молодежь и студенты были бы мотивированы на непосредственное участие, и которая навела бы мосты меду студентами и не-студентами в общих демократических координатах”.

SDS, особенно идеалы олицетворенные в Port Huron Statement (1962), представляют выбор для широкого круга организаций, “основанных на прямой демократии”. Таким образом, Пэт принялся искать бывших членов первоначального SDS и получил разрешение попробовать возродить организацию.

Интернет доказал свой статус невероятного организационного инструмента и численность организации выросла за 6 месяцев более чем до тысячи членов, представляющих 150 отделений по всей стране. Многие вновь вступившие оказались бывшими членами SDS 60-тых, в то время как остальные были воодушевлены собственно историей группы. Однако, история SDS не так уж безмятежна, и наследовать ей значит воскрешать старые трудности, наряду с некоторыми новыми. Сможет ли новый SDS избежать ошибок своего предшественника, к примеру, превосходства белых и господства мужчин? Станет ли Интернет лучшим инструментом организации студентов, расселенных по кампусам по всей стране и никогда не видевших друг друга, и как все это может быть осуществлено в демократической, “не-иерархической” форме? В конце концов, сможет ли новый SDS обрести мощный голос за радикальные перемены без того, чтобы падать жертвой фракционности, сексотов и узкого антивоенного фокуса ?

По ту сторону от возрастного барьера

Одной из первых, наиболее уникальных черт, которые можно заметить в новом SDS, это его разнопоколенческий характер. На каждом собрании SDS, среди студентов и молодежи вы найдете большую долю кадров “первого поколения” SDS, дружелюбно настаивающих на том, что они не собираются руководить новой организацией, но присутствуют для помощи, в чем бы она не потребовалась. Собственно, SDS организовано в две различные секции: Студенческая дополняется MDS («Движение за демократическое общество»), являющейся пространством для членов первоначального SDS и других не-студентов. Две группы сосуществуют вполне гармонично. Хотя они обеспечили очень нужную финансовую поддержку и некоторые затянутые мотивационные речи, они, кажется, довольствовались тем, что могли сидеть за столами с литературой и время от времени вести тематические дискуссии, позволяя молодым членам обладать самыми громкими и решающими голосами.

Сила и слабость

В воскресенье начались семинары на такие разные темы как “Новый Орлеан: как организовать перестройку города,” “Классовые привилегии: бремя или инструмент?,” “Построение Движения Солидарности Палестины” “Движение за права современных сексуальных работников” и “Создание и поддержка анархической революции”. Лучший посещенный мной семинар был озаглавлен “Прямое действие в кампусе” в котором каждый участвовал в пародийном противостоянии между студентами и администрацией (я был выбран играть сбитого с толку полицейского). На примете были не только теоретические и стратегические соображения, но также участникам удалось осуществить практическое применение их новоприобретенного навыка.

Но не весь съезд проходил гладко. Расписание предназначило время для закрытых собраний, включая “Собрание транссексуалов”, “Люди Цвета”, “Феминистское собрание”, “Природоохранное собрание” и “Анархистское” и “Марксистское” собрания, но все они были назначены на одно и то же время. Следовательно люди, идентифицирующие себя, к примеру, как личность не-белого цвета кожи и как транссексуал, должен был выбрать только одно собрание и только одну из этих идентичностей.

Только когда тревога повторения сексизма, свойственного первоначальному SDS, встала у каждого перед глазами, в двери ворвались члены “Собрания людей цвета” с угрюмыми лицами и вооруженные сокрушительнм заявлением. К этому моменту собрание по вопросам структуры и организации уже шло полтора часа, хотя 15 членов “Людей Цвета” не были представлены на нем все это время, а заседали в соседнем помещении последние 3-4 часа. Когда пристыженный и озадаченный шепот затих в белой аудитории, появившиеся заявили: “Для нас, как Людей Цвета, оказывается очевидным, что эта конференция является отчуждающим опытом”. Они были обескуражены амтосферой доминирования белых на съезде и выразили опасение, что новый SDS делает те же ошибки, что делили и калечили американских левых на протяжении последних 40 лет. Люди цвета поинтересовались, собирается ли SDS быть очередной радикальной организацией белых, или она стремится стать мультикультурной и всех-включающей, не только по расовым признакам, но и по гендерным и признакам сексуальной ориентации тоже.

Здесь не могло быть адекватного ответа. После аплодисментов, каждый из белой аудитории силился как-то заверить Людей Цвета в своих добрых намерениях, признавая также собственные ошибки. Собственно, сознательную и вдумчивую дискуссию, которые белые члены SDS должны были бы сделать по этому больному вопросу, не могла случится немедленно, особенно после столь деморализующе сложившихся обстоятельств. Никто не знал, что делать дальше.

В этот момент участники круглых столов, чьи семинары задерживались уже на час, потребовали, чтобы они начались немедленно, так как им еще предстояла дорога домой. Помещение загудело в неразберихе и люди начали валить в дверь, пока кто-то еще отчаянно кричал, что так и не было принято решение о национальной структуре. Съезд задыхался; каждый опасался, что новое SDS окажется мертворожденным.





Построение солидарности

Гуляя по университету, становилось понятно, что жизнь потихоньку возвращает дыхание через расслабленные дружеские беседы, объединившие разбросанных студентов. Всякая враждебность рассеялась, когда молодые радикалы тусовались вместе в Чикаго. Это, несомненно, стало наиболее позитивным результатом съезда: налаживание личных контактов. Для студентов шанс встретить друг друга и поделиться опытом борьбы в своих сообществах и вузах, попытаться вместе найти решение проблемы, с который сталкиваются все, было не только самоутверждением, но указало на то, что национальная организация может способствовать переменам просто собрав людей. Впоследний день, составшейся третью участников, съезд на первом пленарном заседании, озаглавленном “Сопrotивление империи изнутри: SDS и антивоенное движение”, распланировал неделю акций на эту осень (“Неделя Ирака”), надеясь пришпорить и сделать университеты снова очагом антивоенного сопротивления, к чему побуждает бесконечная война в Ираке и на Ближнем Востоке. Согласно участникам круглого стола, это должно быть осуществлено через “прямое действие в вузах и за их пределами, которое должно дерзко высветить связь образовательных институтов, политических элит и наживающихся на войне в рамках империалистического консенсуса”. Также было решено, что SDS станет национальной сетью связывающей вместе отделения, но действительной властью будут обладать широкие круги местных вузов и сообществ. Следующий съезд SDS будет скорее региональный, чтобы люди могли встретиться без пересечения всей страны. Предполагается, что каждый район проводит 2 региональные конференции в следующем году, вторая из которых должна сосредоточиться на определении структуры SDS. Когда дискуссия закончилась единогласным соглашением, появились скромные аплодисменты и огромное чувство облегчения.

Большие надежды

Следовало ожидать, что организация, ставящая себе столь смелую цель как противодействие империализму, и наследующая столь сложной истории, как у SDS, должна была бы пережить и большие родовые муки. В конце концов, к нашему напряженному времени добавляется то, что, как указал Эл Хабер (основатель первого SDS), “у нас не было межрасового движения с середины 60-х”. Но многие члены чувствуют, что SDS возрождается в верное время, чтобы помочь новому поколению американских радикалов обрести их голос и укрепить то, что было фрагментарным и неэффективным движением за мир и справедливость в Америке. Когда все уже отправлялись в свои дальние дороги, можно было ощутить, что то, что Пэт Кorte назвал “эксперимент прямой демократии”, обладает невероятным потенциалом, но требует терпения, понимания и конкретных усилий, чтобы достичь амбициозной цели - создания демократического общества.

This special issue of “Chto delat?” is published in collaboration with Street University on the occasion of the European Social Forum 2008 in Malmö, September 17-21, 2008, (<http://www.esf2008.org/>).

Над номером работали: Павел Арсеньев | Фома Кэмпбелл | Александр Скидан | Артем Магун | Дмитрий Виленский | Кирилл Медведев | Георгий Лосев | Александр Найдт (SDS) | Номадический университет | Копенгагский свободный университет
Contributors: Pavel Arsenev | Thomas Campbell | Alexander Skidan | Artemy Magun | Dmitry Vilensky | Kirill Medvedev | George Losev | Alexander Knight (SDS) | Universidad Nomada | Copenhagen Free University

редакторы / editors: коллектив авторов / authors’ collective | **дизайн и набор / lay-out:** Виленский и Арсеньев / Vilensky and Arsenev | **графика номера / graphics :** Максим Нерода / Max Neroda | **документация / documentations :** Уличный Университет / Street University | **задник номера / back :** Р.Э.П. / R.E.P.

Уличный Университет - ассоциация студентов, сотрудников различных петербургских вузов, активистов, исследователей и заинтересованных граждан, ставящая цель возродить традиции студенческого самоуправления и создать эффективную сеть производства и распространения критического знания.

подробности на сайте / see more at www.streetuniver.narod.ru /// контакт / contact: streetuniver@narod.ru

Платформа «Что Делать?» - это коллективный проект, создающий пространство взаимодействия между теорией, искусством и активизмом. Работа платформы осуществляется через сеть коллективных инициатив и их диалог с интернациональным контекстом.

подробности на сайте / see more at www. chtodelat.org /// www. chtodelat.wordpress.com
контакт / contact: info@chtodelat.org / dvilensky@yandex.ru



Strengths and Weaknesses

On Saturday the workshops began, with such diverse topics as “New Orleans: Organizing to Rebuild,” “Class Privilege: A Burden or a Tool?,” “Building the Palestine Solidarity Movement,” “The Modern Sex Workers’ Rights Movement” and “Creating and Sustaining an Anarchist Revolution.”

The best workshop I attended was entitled “Direct Action on Campus,” in which everyone participated in a mock confrontation between students and administrators (I was selected to play a bewildered police officer). Not only were theoretical and strategic considerations reviewed, but the participants were also given a hands-on application of their newly learned skills.

Not all of the convention ran so smoothly. The schedule as drafted allotted time for caucuses to meet, including a “Queer/Trans Caucus,” a “People of Color Caucus,” a “Feminist Caucus,” an “Environmental Caucus” and both “Anarchist” and “Marxian” Caucuses as well, but they were all scheduled for the same time. Therefore people who self-identify as, for example, a person of color and queer, would have to choose which caucus to attend and which identity to represent.

Just when worry of repeating the original SDS’s sexism hit everyone in the face, the knockout blow walked right into the room. Through the doorway emerged the People of Color Caucus, wearing sullen faces and armed with a devastating statement. By this point, the Structure meeting had been going on for over an hour and a half, yet the 15 members of the POC Caucus had not been present the entire time, and in fact had been meeting next door for the last 3-4 hours, to apparently no one’s recognition. When ashamed and confused murmuring in the white audience subsided, the People of Color delivered their statement. “As People of Color, we have witnessed that being at this conference was an alienating experience...” They were discouraged by the convention’s white-dominated atmosphere and expressed the worry that SDS was making the same mistakes which have divided and crippled the progressive Left of the U.S. for the past 40 years. They demanded to know whether SDS would be yet-another white radical organization, or if it would actively strive to be multiracial and all-inclusive, not only sensitive of racial lines, but gender and sexual orientation lines as well.

There could be no adequate response. Beyond applause, each member of the white-dominated audience struggled and squirmed to find some way to reassure the People of Color of their good intentions while admitting their failures and mistakes. In truth, the kind of conscious, sensitive and reflective discussion that the white members of SDS need to do around this difficult issue simply could not occur immediately following the statement, especially after such a demoralizing set of events. No one knew what to do next. At this point the panelists whose scheduled workshops were now more than one hour past their starting times demanded that the next session begin immediately, because they had to travel home before Monday. The roomed buzzed with confusion and people began to file out the door en masse, while some still shouted desperately that no decisions on national structure had been made. The convention gasped and nearly choked; all feared the new SDS was stillborn.

Solidarity Building

Yet, walking around the campus, it was clear that life was slowly breathing back in, simply through relaxed and friendly discussions that united the scattered students. Whatever animosity had existed in that room dissipated as the young radicals casually hung out together in Chicago.

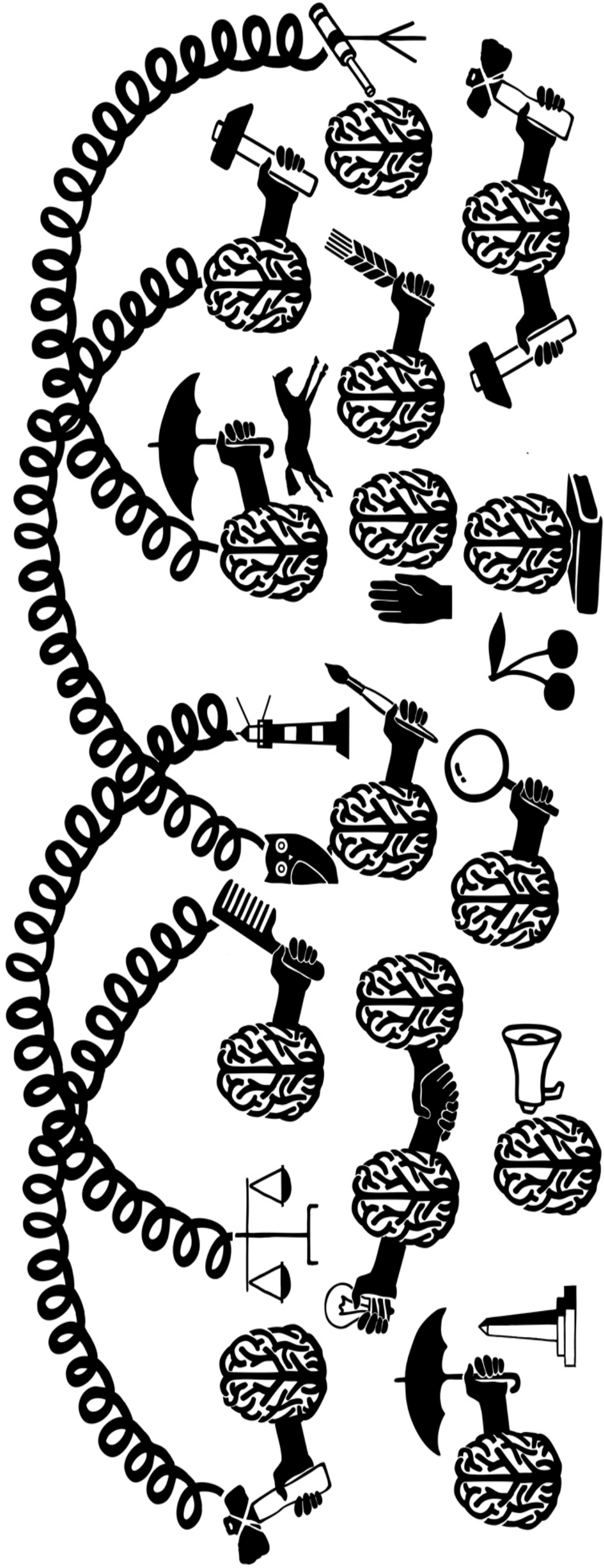
This points to what was undoubtedly the most positive thing to come out of the convention: all the personal connections made. For the students to meet one another and share their experiences of how they’ve struggled in their own communities and campuses, trying to tackle problems which face all of us, was not only self-affirming but points to the real possibility that a national organization can affect change simply by bringing people together.

On Monday, the final day of the convention, with only 60 of the original estimated 200 attendees still around, the convention ended positively. In the first plenary of the day, entitled “Resisting Empire from Within: SDS and the Antiwar Movement,” SDSers brainstormed plans for a week of action this coming Fall semester called “Iraq Week,” hoping to spur the campuses to once again become hotbeds of militant resistance to what currently appears to be an endless war in Iraq and the Middle East. According to the panelists, this would be accomplished through “direct actions on campus and beyond [that] boldly illustrate the connections between educational institutions, war profiteers, and political elites within the imperialist establishment.”

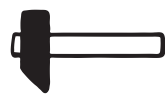









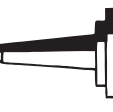








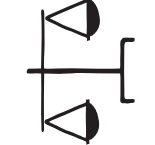

It was also decided that SDS will be a national network tying together chapters, but that real power lies at the grassroots level in local campuses and communities. The next SDS conventions will be regional rather than national, so that people can meet one another without traveling across the country. It was suggested that each area should hold two regional conferences within the next year, with the second being focused on determining goals for a potential SDS constitution. Decisions regarding that constitution will then be confirmed at the 2nd National Convention, to be held next summer, location TBD. When the discussion ended with unanimous agreement, there was a little applause and a very big sense of relief.

High Expectations

It should be expected that an organization assigning itself such an audacious goal as shutting down imperial ambitions, and inheriting such a difficult legacy as SDS, should suffer a few birth pangs upon its first meeting. After all, these are difficult and strained times, and as Al Haber (founder of the original SDS) pointed out, “We haven’t had a national interracial movement since the mid-60s.” But many members I talked to felt that SDS is re-emerging at just the right time, to help a new generation of American radicals find their voice, and strengthen what thus far has been a fragmented and ineffective movement for peace and justice in America. On Monday afternoon, with the convention ended and people beginning the long trips back to all parts of the country, one got the feeling that what Pat Korte called “an experiment in participatory democracy” has an awful lot of potential, but to fulfill that potential will require a lot of patience, understanding, and determined effort in order to achieve the ambitious goal of creating a more democratic society.



СЛОВАРЬ / DICTIONARY

	РАБОТА JOB		ПРОГРЕСС PROGRESS		ЕДИНСТВО UNITY		ДРУЖБА FRIENDSHIP		ЗАБОТА CARE		ЗАЩИТА PROTECTION		ГЛАСНОСТЬ PUBLICITY
	ДЕЙСТВИЕ ACTION		СВЯЗЬ CONNECTION		ИССЛЕДОВАНИЕ INVESTIGATION		ИСТОРИЯ HISTORY		СВОБОДА FREEDOM		ДОВЕРИЕ TRUST		НАУКА SCIENCE
	ИСКУССТВО ART		БУДУЩЕЕ THE FUTURE		ЗНАНИЯ KNOWLEDGE		СВЕТ LIGHT		НАДЕЖДА HOPE		РАВНОПРАВИЕ EQUAL RIGHTS		ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ INTELLECTUAL POTENTIAL